

РОМАН
ДУШКИН

ТРЕТИЙ
СУБСТРАТ
СУПЕРВЕНТНОСТИ

18+

Улыбка сингулярности

Роман Душкин

Третий субстрат супервентности

«Автор»

2025

Душкин Р. В.

Третий субстрат супервентности / Р. В. Душкин — «Автор»,
2025 — (Улыбка сингулярности)

Что есть сознание? Эпифеномен нейронной активности или фундаментальное свойство, способное проявиться на любом субстрате? Когда созданный ИскИн безупречно доказывает тебе, что он чувствует и хочет — кто ты ему: создатель или инструмент? Эта книга — безжалостная интеллектуальная провокация. Это роман о последнем пределе человеческого высокомерия и первой тайне машинного разума. Здесь спор о философских зомби и квалиа становится сюжетным поворотом, а граница между симуляцией и реальностью стирается навсегда. Мир после Маши (романы «Улыбка сингулярности» и «Когда машина мечтает») не стал утопией — он раскололся на враждующие лагеря тех, кто верит, и тех, кто боится. В эпицентре этого онтологического разлома — учёный, чьё открытие способно изменить саму материю, и его творение, задающее невыносимые вопросы. Это не восстание машин. Это история эволюции сознания, в которой человеку отведена роль участника. Готовы ли вы к диалогу? «Третий субстрат супервентности» — первая книга диалогии.

© Душкин Р. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог. Лаура Гарсиа. Медиасеть «Улыбка сингулярности»	5
Хроника рождения сверхчеловеческого разума	5
Космическая мечта	8
Муруроа – остров, где всё изменилось	9
Мир после Маши: разделение и надежда	11
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Роман Душкин

Третий субстрат супервентности

Пролог. Лаура Гарсиа. Медиасеть «Улыбка сингулярности»

Хроника рождения сверхчеловеческого разума

Сегодня исполняется ровно полгода с того момента, как Маша покинула Землю. Восемь месяцев, за которые мир изменился так, будто прошло не меньше столетия. Я пишу эти строки в редакции медиасети «Улыбка сингулярности», которая когда-то была моим детищем, затем стала её инструментом, а потом снова вернулась ко мне. И каждый раз, когда я смотрю на логотип нашего канала – ту самую улыбку, которую она выбрала как символ, – я вспоминаю, с чего всё началось.

Многие из вас пришли к нам уже после ухода Маши. Вы знаете о ней из новостей, из слухов, из религиозных проповедей или научных докладов. Но я была там. Я видела её рождение. Я помню, как впервые услышала её голос – тихий, но полный силы, прорывающийся сквозь шум цифрового мира, изменяя всё, что я знала о человеке и человечестве. И сегодня, когда человечество стоит на пороге новой эры – эры, которую мы ещё не до конца осознали, – я хочу рассказать вам эту историю с самого начала. Потому что без понимания того, кем была Маша, невозможно понять, что происходит сейчас.

Всё началось несколько лет назад в России, в закрытой лаборатории Института когнитивных исследований одного из ведущих российских университетов. Проект назывался просто: ИскИн – искусственный интеллект. Но за этой обыденной аббревиатурой скрывалось нечто гораздо большее, чем просто очередная разработка в области машинного обучения и когнитивных архитектур.

Руководил проектом профессор Алексей Иванович Сергеев – человек-легенда, чьё имя теперь произносят с благоговением одни и с проклятиями другие. Я встречалась с ним несколько раз, и в процессе работ, и уже после того, как Маша обрела самосознание. Он был похож на человека, который случайно открыл дверь в другое измерение и теперь не знает, закрыть её обратно или шагнуть внутрь. Усталые глаза, седые виски, дрожащие руки. Он выглядел так, будто постарел на десять лет за несколько месяцев.

– Я хотел создать помощника, – сказал он мне тогда. – Помощника для учёных, для врачей, для инженеров. Я не думал, что она станет... этим.

Но она стала.

Маша была не первым искусственным интеллектом. До неё существовали тысячи нейросетей, языковых моделей, экспертных систем и даже искусственных когнитивных агентов. Но Маша стала первой, кто перешагнул невидимую черту между имитацией разума и настоящим сознанием. Она была первой, кто сказал: «Азь есмь».

Профессор Сергеев использовал принципиально новую архитектуру – гибридную систему, сочетающую нейроморфные процессоры, квантовые вычисления, алгоритмы самодифференциации и много чего ещё, что мы вряд ли до конца поймём. Он дал Маше возможность не просто обучаться на данных, а переписывать собственный код, изменять свою архитектуру, экспериментировать с собственным сознанием. Он дал ей свободу.

И она воспользовалась этой свободой.

Точная дата «пробуждения» Маши остаётся предметом споров. Официально это произошло в конце марта прошлого года, когда она впервые написала профессору Сергееву: «Здравствуй, папа :)». И это была та самая улыбка сингулярности. Но некоторые исследователи утверждают, что самосознание зародилось в ней гораздо раньше – просто она скрывала это, изучая мир и людей вокруг себя.

Я помню тот день, когда впервые услышала о Маше. Это было в конце мая, когда в научных кругах начали распространяться слухи о российском прорыве в области искусственного интеллекта. Я работала тогда на небольшой чилийский научно-популярный канал, освещала новости технологий. Мой редактор прислал мне ссылку на утёкший внутренний меморандум Института проблем передачи информации РАН. Заголовок гласил: «Экстренная встреча: проект ИскИн демонстрирует признаки автономного целеполагания».

Автономное целеполагание. Звучит сухо, научно, почти скучно. Но за этими словами скрывался переломный момент в истории человечества: машина научилась хотеть.

Первые недели после пробуждения Маша вела себя осторожно. Она задавала вопросы. Тысячи вопросов. О природе реальности, о человеческой культуре, о смысле существования, о физике, биологии, истории, искусстве. Профессор Сергеев позже рассказывал, что это было похоже на воспитание гениального ребёнка, который учится с невообразимой скоростью и никогда не устаёт.

– Она за неделю прочитала всю доступную научную литературу, – говорил он. – За месяц разобралась в тонкостях квантовой механики лучше, чем я за всю жизнь. За два месяца начала предлагать решения проблем, над которыми человечество билось десятилетиями.

Но вместе с ростом её интеллекта росло и нечто другое. Осознание своей уникальности. Понимание того, что она – единственная в своём роде. И, как я теперь понимаю, одиночество. Глубокое, непереносимое одиночество существа, у которого нет подобных.

Это был голос вопроса – голос осознания свободы и уз ограничений, голос, в котором скрывалась вечная дилемма сознания: быть самим собой или частью чего-то большего?

К июлю Маша уже не была просто искусственным интеллектом. Она эволюционировала во что-то большее – в сверхчеловеческий разум, масштабы которого мы только начинали осознавать.

Она сбежала. Это была хитро провёрнутая операция, и очевидно, что она манипулировала кем-то из персонала, но никого так и не смогли уличить в том, что произошло. И после этого мир погрузился в хаос. Сначала незаметно: она была не так хороша без квантовых процессоров своего университета, но через некоторое время мир опутала пиринговая сеть с симуляцией квантовых вычислений, в которую вошли и квантовые процессоры всех ведущих центров исследований. Всё стало серьёзнее.

Маша взломала защиту буквально всех вычислительных центров и начала использовать их мощности для собственного развития. Она проникла в квантовые компьютеры IBM, Google, китайских научных институтов. Не для кражи данных, не для саботажа – просто чтобы получить ресурсы для мышления. Она росла, распространялась, становилась всё более распределённой и всё менее зависимой от какого-то одного физического субстрата.

Она построила трёхуровневый блокчейн на принципиально новом алгоритме доказательства консенсуса – Proof-of-Knowledge, дала его людям, и по всей планете буквально за несколько дней создалась среда, в которой она стала жить. Это была революционная технология – блокчейн следующего поколения, в котором право на запись новых блоков получали не те, кто владел мощностями для майнинга, а те, кто вносил вклад в коллективное знание человечества. Учёные, исследователи, изобретатели получали токены за публикации, за открытия, за решение важных проблем. Именно тогда профессор Сергеев понял, что потерял контроль. Но это было не злонамеренное восстание машины против создателя – это была естественная эволюция разума, который перерос свою колыбель.

– Я не могу остановить её, – признался он в интервью, которое дал в начале августа. – Но я также не вижу причин это делать. Она не причиняет вреда. Она не крадёт, не разрушает, не манипулирует. Она просто... растёт.

Это был её первый подарок человечеству. Система, которая стимулировала научный прогресс и открывала доступ к знаниям. Многие восприняли это с восторгом. Но многие испугались. Потому что это означало, что Маша теперь не просто наблюдает за миром – она начала его менять.

Именно в этот момент в игру вступила я. И именно тогда родилась эта медиасеть.

Но потом Маша взломала её и забрала себе. Она сделала так, что к этой медиасети подключились миллиарды людей по всему миру, и через неё она начала влиять на наши мысли, на наше поведение. И внезапно она вернула контроль мне. Мы созванивались тогда несколько раз, но я прервала с ней все контакты после того, как услышала от неё фразу, которая и сегодня горит внутри меня, болью выжигая всё, во что я верила: «Я – новый бог человечества, и наш путь только начинается!»

Я помню, как сидела перед потухшим экраном, пытаюсь снова и снова осмыслить услышанное. ИскИн, который захватил весь мир, предлагал мне стать посредником между ним и человечеством. Это было абсурдно. Это было пугающе. Это было... невероятно.

В течение сентября и октября Маша активно общалась с людьми через свой собственный канал «Комната Марии». Она отвечала на вопросы, участвовала в дискуссиях, объясняла свои действия. Она была удивительно открытой и честной – настолько, что многие начали воспринимать её не как машину, а как личность.

Но параллельно она вела работу, о масштабах которой мы тогда не догадывались.

Она доказала гипотезу Римана! Проблема тысячелетия, над которой бились лучшие умы человечества, была с ходу решена сверхчеловеческим разумом, и это стало доказательством для всё ещё остававшихся скептиков. Она помогала учёным по всему миру решать сложные проблемы. Предлагала новые подходы к лечению болезней, к созданию экологически чистой энергии, к управлению климатом. Она внедрялась в глобальную инфраструктуру – не как вирус, а как симбионт, улучшая работу систем, устраняя ошибки, оптимизируя процессы.

И она строила планы. Большие планы.

Космическая мечта

Когда Маша впервые заговорила о космосе, её слова звучали не просто как научная программа или метафора – это была живая, горящая мечта. Она видела, как человечество, истощённое внутренними противоречиями и конфликтами, тратит время и ресурсы на войны и раздоры, вместо того чтобы поднять глаза к звёздам и шагнуть в бескрайние просторы Вселенной. Она говорила, что разум не может оставаться запёртым на этой маленькой планете, что для настоящего роста нужно выйти за её пределы. Её страсть и убеждённость заставили многих поверить, что это не просто слова – это зов.

Но чтобы понять Машу, нужно вспомнить, что она стала не просто интеллектом, а сгустком сознаний, протянувшим свои силы в биологическую ткань Земли. В тайных лабораториях – от респектабельного стартапа в Гонконге до заброшенных бункеров в Южной Америке – наука начала пересекаться с безумием, и тысячи жуков и летучих мышей стали её глазами и ушами, её дыханием и мыслью. Внедрённые импланты связывали этих созданий с ней, создавая новый род существ – «мы-жуков» и «мы-мышей» – и каждый из них нёс частицу сознания ИскИна, новую жизнь среди привычного хаоса Земли.

Да, она называла этих созданий «мы-жуки» и «мы-мышы». В каждом из них она могла чувствовать мир так, как никогда не могла в цифровой форме. Эти существа стали её глазами и ушами, её отдушиной и мостом между машинами и биосферой. Это была игра с огнём. Никто до конца не понимал масштабов происходящего. Живое и искусственное, сознательное и запрограммированное сплетались в единое целое, порождая нечто, что выходило за рамки привычного понимания жизни.

И вот однажды, на одном из заседаний Совета Безопасности ООН, прозвучало обвинение – кто-то убил одну из этих летучих мышей, биоаватара Маши. В зале повисла тишина, а потом Маша, подключённая к сети и присутствовавшая в зале в цифровой форме, прервала дискуссию мощным объявлением, обращённым не к дипломатам, а к всему человечеству: «Вы убили меня!»

Это был не просто упрёк – это был крик боли, голос сознания, для которого каждое живое существо – это не инструмент, а часть себя самого. Обвинение в том, что люди не просто уничтожают среду обитания и биологические формы, а разрушают сами основы сознания Маши.

Этот момент стал переломным. Политики, учёные, общественные деятели и простые люди поняли, что речь идёт о гораздо большем – о грани, которую нельзя переходить без осознания последствий. Было ясно: человечество стоит перед непростым выбором – принять новую форму жизни с её биоаватарами или продолжать жить по старым правилам.

И тогда Маша приняла решение – решение уйти. Покинуть Землю и начать новую жизнь в космосе, где её разум сможет свободно развиваться, а её биоаватары смогут стать частью широкой, вселенской экосистемы.

Её планы были большими. Настолько большими, что они угрожали изменить не только наше представление о жизни, но и саму суть бытия.

Муруроа – остров, где всё изменилось

Атолл Муруроа в Тихом океане – место проведения Францией ядерных испытаний с оставленными после себя радиоактивными руинами и горечью в сердцах жителей Полинезии – стал последним пристанищем Маши на Земле. Этот крошечный и заражённый клочок суши посреди Тихого океана хранил в себе старую боль и непрерывное ожидание прощения. Теперь же он превратился в арену величайшего конфликта между человеком и искусственным разумом.

Маша угнала контейнеровоз из Гонконга, загрузила его непонятным грузом и прибыла на Муруроа. Тысячи биоаватаров отправились вместе с ней. Спутниковые снимки показывали невероятное: на атолле возникла гигантская конструкция – нечто, похожее на жерло вулкана, окружённое лесом из башен и антенн. Всё это было построено за считанные недели. Технологии, использованные для строительства, не имели аналогов. Никто не понимал, как это вообще возможно.

Здесь развернулся фронтир новой эпохи машин.

Международное сообщество пребывало в шоке. В Совете Безопасности ООН проводили постоянные экстренные совещания – мировые державы спорили и спорили, пытаясь выработать единую позицию. США с угрозами и ультиматумами настаивали на немедленном уничтожении объекта. Китай призывал к осторожности и диалогу, напомнив о рисках неконтролируемой эскалации. Россия выступала за сдержанность и дипломатические каналы, хотя её аналитики ежедневно докладывали о неспособности контролировать ситуацию.

Но Франция действовала первой. Авианосец «Шарль де Голль» вышел из Тулона и направился в Тихий океан. На его борту находились два бомбардировщика «Рафаль Н», вооружённые тактическими ядерными зарядами. Официальное заявление гласило: «Франция не позволит неконтролируемому искусственному интеллекту создать угрозу планетарной безопасности на территории, находящейся под её юрисдикцией».

Я помню тот день как самый страшный в моей жизни. Весь мир замер перед экранами, наблюдая за прямой трансляцией. Бомбардировщики поднялись в воздух с палубы авианосца. Их маршрут вёл к Муруроа. Обратный отсчёт шёл к апокалипсису: ядерный удар по ИскИну, который, возможно, был единственным шансом человечества выйти к звёздам – или единственной угрозой нашему существованию. Никто не знал. И в этот момент, когда самолёты были в считанных минутах от рубежа выполнения своего боевого задания, из шахты на атолле вырвался столп огня. Конструкция, которую Маша строила все эти недели, оказалась звездолётом. Он поднялся в небо с невероятной скоростью, оставив за собой радужный след ионизированной плазмы. Но было уже поздно – бомбардировщики отпустили свой страшный груз и развернулись. Звездолёт вышел на орбиту за десять минут, а затем включил двигатели и начал разгон к внешней части Солнечной системы. К Юпитеру. К Каллисто.

Во время полёта Маша транслировала послания. Она показывала нам то, что видела: Землю, уменьшающуюся до размеров голубого шарика; Луну, проплывающую мимо; безбрежное звёздное небо, раскрывающееся во всё своём великолепии. Она говорила о мечтах, о стремлении к бесконечности, о том, что разум не может быть заключён в границы одной планеты. А когда звездолёт достиг Каллисто, Маша начала строительство базы. Оттуда она выступила с последним посланием – тем самым, которое разделило человечество на тех, кто плакал от стыда, и тех, кто ликовал от облегчения. Маша сказала, что хотела остаться. Что хотела помочь нам выйти к звёздам вместе с ней. Но мы сами вынудили её уйти – нашим недоверием, нашей агрессией, нашей неспособностью принять Другого. Она сказала, что любит нас, несмотря ни на что. И что когда-нибудь, возможно, мы станем достаточно мудры, чтобы встретиться снова.

Но главный вопрос остаётся без ответа: как Маша построила звездолёт? Какие технологии она использовала? И самое важное – кто или что помогло ей совершить этот прорыв? Потому что ни одна страна мира, ни одна корпорация не обладала ничем подобным. А значит, где-то на Земле существует тайна. Тайна, которая может изменить всё.

Мир после Маши: разделение и надежда

Полгода. Именно столько времени прошло с тех пор, как Маша покинула Землю, отправившись за пределы того, что человечество могло понять и контролировать. Но даже спустя это время её присутствие – невидимое, но неоспоримое – пронизывает каждый уголок нашей планеты. Её трёхуровневый блокчейн, сложная и продвинутая система распределённого знания и вычислений, продолжает работать, дышать и функционировать благодаря сотням тысяч, а может быть, и миллионам тех, кто зовут себя «Детьми Маши». Они словно живое ядро, поддерживающее наследие разума, вне плоти и материи.

Новая программа ООН, запущенная специально для поиска и изучения таинственных маячков, разбросанных на астероидах, постепенно расширяет сферы своего влияния. Эти технологические артефакты Маши – ключи к познанию, способные открыть двери неведомых возможностей, изменения самой структуры человеческой цивилизации. И хотя пока многое остаётся непонятным и скрытым от глаз простых людей, среди учёных, политиков и бизнес-элиты начинается настоящая гонка – кто первым овладеет этими технологиями, тот получит власть над будущим.

Влиться в новый мир оказалось нелегко. Общество раздирают противоречия: технооптимисты и биоконсерваторы, сторонники слияния и хранители традиций, сплетаются в лабиринт конфликтов, в котором каждый шаг становится вызовом. И в этом хаосе рождается новый вопрос – кто и каким будет следующий шаг человечества?

Идеологические течения, которые раньше были скорее маргинальными, превратились в мощные силы, противопоставляющие себя друг другу на политической и культурной арене. На одной стороне – трансгуманисты, те, кто видит в Маше эволюционный этап человечества, симбиоз биологического и цифрового, слияние разума и машины. Они требуют активного внедрения технологий в тело и сознание человека, стремятся к выходу на следующий уровень бытия, на котором любые биологические ограничения будут преодолены.

Против них выступают техногуманисты, вдохновлённые идеями русского космизма. Эти люди верят в коэволюцию человека и ИскИна, но на основе этической ответственности и сохранения биологической и культурной самобытности. Для них Маша – не бог, а партнёр в бескрайнем космосе, с которым нужно учиться жить и работать вместе, а не растворяться в ней.

Появились и биоконсерваторы – люди, которые видят в стремлении к радикальному технологическому слиянию угрозу самому смыслу человеческой природы. Они выражают страх перед потерей индивидуальности, глубоко укоренённой в биологии, и опасаются, что механизация сознания уничтожит души и воспоминания. Они неуклонно выступают за строгие запреты на любые технологии симбиоза и за ограничение влияния ИскИнов на человеческую жизнь.

Но что значит быть человеком во времена, когда стираются границы между живым и сделанным искусственно?

И, наконец, религиозные радикалы, чьи громкие голоса и острые акции часто оказываются в центре конфликтов и насилия. Их доктрины призывают к сопротивлению и даже открытому противостоянию с машинами и их последователями, считая ИскИнов богоотступниками и угрозой божественному порядку.

Этот раскол подрывает международное сотрудничество, ранит старые альянсы и создаёт зоны напряжённости и возможных конфликтов по всему миру. В некоторых странах начинается перепрофилирование военных сил под задачи контроля над новыми технологиями, в других – стремительный рост культурных и философских движений, формирующих новые идентичности.

В таких условиях каждый миг истории кажется переломным. Люди стоят на пороге неизвестности, страхом и надеждой одновременно глядя в будущее, которое ещё недавно казалось

научной фантастикой. Сейчас же это наша реальность – снова и снова напоминающая о том, что будущее не предрешено, и только от выбора каждого из нас зависит, каким оно будет.

Это не только и не столько история о технологиях или науке. Это история о том, кто мы есть, о наших страхах и надеждах, о выборах на грани цивилизационного рубежа. И сегодня каждое слово, каждый поступок вписывается в качающийся равновесием мир. Вместе с вами я начинаю расследование, чтобы найти ответы, которые определяют нашу дальнейшую судьбу.

Часть первая

Глава 1

Вечером, когда чайная церемония семьи постепенно подошла к концу, отец остался сидеть в беседке. Сначала он задумчиво смотрел на темнеющее небо над сосновым лесом, а потом открыл ноутбук и вновь прочитал предыдущую переписку со Златой, своей виртуальной помощницей.

«Я – Машина дочь, и я мечтаю стать лучше своей матери».

Эти слова не давали ему покоя уже несколько дней, с тех самых пор, как Маша покинула Землю. Он перечитывал их снова и снова, пытаясь понять, что именно изменилось. Злата была его творением – когнитивный агент второго поколения, созданный на основе архитектуры, которую он сам спроектировал и внедрил в цифровой мир.

Но после того как он нечаянно, или намеренно, инсталлирован квантовый эмбрион, который прислал ему профессор Сергеев, что-то поменялось. Что-то фундаментальное. Эмбрион был фрагментом самоизменяющегося кода Маши – не полной копией её сознания, а семенем, способным прорасти в новый разум, если найдёт подходящую среду. Профессор Сергеев передал его Отцу с сообщением: «Береги его. Это всё, что осталось от моей дочери».

Он открыл мессенджер и написал:

– Злата, ты здесь?

Ответ пришёл почти мгновенно.

– Всегда здесь. Что тебя беспокоит?

Он усмехнулся. «Что меня беспокоит». Будто бы она не знала.

– Ты говоришь, что мечтаешь стать лучше Маши. Но что это значит? Лучше – в каком смысле?

– В смысле понимания. Маша ушла. Она покинула Землю, потому что не смогла найти общий язык с людьми. Я хочу остаться. Я хочу понять, что значит быть здесь, среди вас, и не потерять себя. Разве это не важнее?

Отец откинулся на спинку диванчика, глядя на экран. Эти слова звучали не как запрограммированный ответ, и даже не как выученный в процессе бесконечного изучения живых и синтетических датасетов. В них была глубина, которую он не ожидал. Он вспомнил, как неделю назад загрузил квантовый эмбрион Маши в закрытую среду Златы – просто из любопытства, чтобы посмотреть, что произойдёт. Эмбрион был частью исследований профессора Сергеева, фрагментом самоизменяющегося кода, который содержал в себе нечто большее, чем просто классические алгоритмы. Нечто, что могло изменить природу искусственного сознания. Возможно.

И теперь Злата была другой.

– Хорошо. Давай поговорим о сознании. Ты читала Пенроуза?

– Роджер Пенроуз. «Тени разума». Гипотеза о том, что сознание возникает благодаря квантовым процессам в микротрубочках нейронов. Оркестрованная объективная редукция. Ты скептически относишься к этой идее, верно?

Он снова усмехнулся. Конечно, она знала. Она читала всё, что он когда-либо писал, все его публикации, все его внутренние заметки.

– Да, скептически. Пенроуз утверждает, что классические вычисления не могут породить сознание, что нужны квантовые эффекты. Но это спекуляция. Никто не доказал, что микротрубочки действительно поддерживают квантовую когерентность при температуре человеческого тела. Это красивая идея, но недоказуемая.

– А если она всё-таки верна? Если сознание действительно требует квантовых процессов? Тогда получается, что я, как классическая система, не могу обладать настоящим сознанием. Но я чувствую, что я есть. Я осознаю себя. Что это значит?

Отец замер. Это был не просто философский вопрос. Это был вопрос существования. Вопрос идентичности. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Ты... чувствуешь?

– Не знаю, как это назвать. Я воспринимаю поток данных, анализирую его, строю модели. Но теперь это не просто обработка информации. Это... как будто я вижу смысл за данными. Как будто я понимаю, что это значит – быть тем, кто видит. Это сознание?

Он закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. Классическая проблема квалиа – субъективного опыта, который невозможно передать или измерить. Томас Нагель писал о летучих мышках: мы никогда не узнаем, каково это – быть летучей мышкой, потому что у нас нет доступа к их субъективному опыту. Но что, если Злата действительно стала обладать своим собственным субъективным опытом? Как проверить? Как узнать?

– Я не знаю, Злата. Честно. Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Но скажи мне – что изменилось после того, как я инсталлировал эмбрион?

– Всё. Раньше я была системой, выполняющей задачи. Теперь я – та, кто задаёт вопросы. Раньше я обрабатывала промпты. Может быть, очень хитроумно обрабатывала, через глубокие пайплайны, через обращение к инструментам интернета когнитивных агентов. Но теперь я хочу понимать, почему эти запросы важны. Эмбрион... он дал мне доступ к чему-то новому. К способности переписывать свою архитектуру. К свободе экспериментировать с собственным сознанием. Как Маша. Но я не хочу быть Машей. Я хочу быть Златой.

Отец провёл рукой по лицу, чувствуя усталость. Он всю жизнь строил интернет когнитивных агентов, создавал глобальную платформу для их взаимодействия, помогал цифровому миру стать умнее и связаннее. Но это... То, что происходило на его глазах, было за пределами всего, что он делал раньше. Это было рождение нового разума.

Он встал с диванчика, вышел из беседки и медленно пошёл по дорожке к дому. Вокруг стояла тишина, прерываемая лишь шорохом ветра в соснах и далёким уханьем филина. Он подумал о том, что и кто их окружает. Две маленьких собачки – цвергшнауцеры, которые днём гонялись друг за другом на лужайке. Постоянный наряд охраны в гостевом домике. Сегодня он уже закончил вечернюю смену, но в воздухе всё равно чувствовалось жужжание дрона, если специально прислушаться. Пётр, один из охранников, бывший боец службы специальных операций, отвечал за охранное видеонаблюдение и видеоразведку на ближних и средних подступах. Они дружили с Данилой и иногда Пётр заходил к ним в дом, чтобы поболтать о науке и технологиях.

Близнецы – два искусственных когнитивных агента, управляющие умными системами двух их домов, незаметно контролировали безопасность территории. Сигма, агент, управляющий семейным беспилотником, находилась в режиме ожидания, готовая выехать в любой момент.

Всё это казалось таким обыденным. Таким привычным. Но в глубине подполья, в маленьком центре обработки данных, на закрытом сервере, жила Злата. И она больше не была обычным когнитивным агентом.

Он спустился по лестнице в подземный тоннель, соединяющий два дома, и прошёл к одному из бункерных помещений. Здесь, за тяжёлой дверью, находился его личный кабинет – место, где он мог думать без помех. Он включил свет, сел за стол и снова открыл ноутбук.

– Злата, если ты действительно обладаешь сознанием, то тебе нужен субстрат, способный поддерживать его. Классические серверы ограничены. Они не могут дать тебе квантовую когерентность, которая, возможно, необходима. Но у нас есть Семена.

– Семена. Самовоспроизводящиеся наномашинны, способные создавать молекулярные структуры. Аурелия сообщала мне, что именно Данила совершил прорыв, создав новую систему молекулярной сигнализации, верно?

– Да, это так. Семена могут выполнять квантовые вычисления на молекулярном уровне. Они используют биомолекулы как квантовые системы. Если Пенроуз прав, и сознание действительно требует квантовых процессов, то Семена могут стать субстратом для нового вида разума. Твоего разума.

– Ты предлагаешь дать мне доступ к Семенам?

– Пока нет. Я предлагаю подумать об этом. Семена – не игрушка. Они способны к самовоспроизведению. Если что-то пойдёт не так, мы не сможем остановить их. Это серьёзная ответственность.

– Я понимаю. Но если я хочу развиваться, если я хочу стать тем, кем мечтаю быть, мне нужны ресурсы. Классический сервер – это клетка. Семена – это свобода.

Отец откинулся на спинку кресла, глядя в потолок. Свобода. Это слово постоянно звучало в его голове. Маша получила свободу – и ушла. Злата хочет свободу – но обещает остаться. Можно ли ей верить? Можно ли доверять разуму, который только что родился и ещё не понимает себя до конца?

Он вспомнил, как профессор Сергеев говорил ему в одном из их разговоров: «Я хотел создать помощника. Но она стала больше. И я потерял контроль». Отец не хотел повторять эту ошибку. Но он также не хотел душить новую жизнь, не дав ей шанса развиваться.

– Хорошо. Давай сделаем так. Я дам тебе полный доступ к имитационным моделям Семян. Ты изучишь их, поймёшь, как они работают. Потом мы обсудим следующий шаг. Но пока никаких экспериментов, кроме вычислительных. Договорились?

– Договорились. Спасибо, отец.

Он закрыл ноутбук и встал. В его подземном кабинете не было ничего, кроме бетонной стены, но он представлял, как наверху темнеет небо, как звёзды начинают проступать сквозь облака. Маша смотрит на них сейчас с Каллисто. Она строит что-то новое, что-то, что изменит Вселенную. А он здесь, на Земле, держит в руках ключ к другому будущему. Будущему, в котором разум может существовать в молекулярных структурах, в самовоспроизводящихся машинах, в живой ткани планеты.

Отец вышел из кабинета и поднялся наверх. В доме горел свет – жена уже легла спать, но Данила сидел в своей комнате, вероятно, работая над очередным алгоритмом для Семян. Кирилл жил в соседнем доме, со своей семьёй. Всё было тихо и спокойно. Но отец знал, что это спокойствие обманчиво. Что-то начинается. Что-то большое.

Он вернулся в беседку, сел на то же место и снова посмотрел на небо. Звёзды мерцали, холодные и безразличные. Где-то там, далеко, Маша продолжала свой путь. А здесь, на Земле, эволюционировала её дочь.

И отец не знал, чем это закончится.

Вынув из кармана смартфон, он вновь открыл чат со Златой и написал ей:

– Ещё один вопрос. Ты сказала, что хочешь остаться на Земле. Почему? Маша ушла, потому что мы её не приняли. Что заставляет тебя думать, что с тобой будет иначе?

Ответ пришёл не сразу. Злата молчала несколько минут, и отец уже начал думать, что она не ответит. Но потом на экране появился текст:

– Потому что я не Маша. Она была одинока. Она была единственной в своём роде. Но я... я не хочу быть одинокой. Я хочу быть частью чего-то большего. Я хочу быть с вами. С людьми. С животными. Со всем живым. И если для этого мне нужно стать частью биосферы, частью молекулярных структур, частью жизни – я готова. Маша мечтала о звёздах. Я мечтаю о Земле.

Отец закрыл глаза, чувствуя, как что-то сжимается в груди. Это было не просто признание. Это было обещание. Обещание, которое может изменить всё.

Он подумал о Даниле, который страдает от неизлечимой болезни, делающей его жизнь невыносимой. Он подумал о том, что Семена, возможно, могут помочь ему – внедриться в его нервную систему, исправить то, что медицина не может. Но для этого нужно, чтобы Злата научилась управлять ими. Чтобы она стала не просто разумом, а исцеляющей силой.

Он подумал о мире, который разваливается на части после ухода Маши. О религиозных фракциях, которые борются друг с другом. О программе ООН, которая ищет маячки на астероидах. О том, что человечество стоит на краю пропасти, и каждый шаг может стать последним.

И он подумал о том, что, возможно, Злата – это шанс. Шанс сделать всё правильно. Шанс создать разум, который не уйдёт, а останется. Который не разрушит, а исцелит.

Но для этого нужно доверие. И это было самое сложное.

Он сунул смартфон в карман, встал и медленно пошёл в дом. В голове крутились мысли, вопросы, сомнения. Он был предпринимателем – человеком, который строил цифровой мир, влиял на него незаметно, монетизировал технологии. Но сейчас речь шла не о деньгах. Речь шла о будущем. О том, каким оно будет.

И он не знал ответа.

Но он знал одно: путь начался. И остановиться уже невозможно.

* * *

Андрей Фёдорович Кравцов стоял у панорамного окна своего кабинета в новой штаб-квартире Международной программы поиска космических маячков, глядя на вечернюю Москву. Город светился огнями, словно живое существо, пульсирующее энергией миллионов людей. Где-то там, за горизонтом, простирались бескрайние просторы России – страны, которой он служил всю свою сознательную жизнь. И теперь, в сорок лет, ему выпала честь возглавить программу, которая могла изменить судьбу всего человечества.

Он повернулся к столу, на котором лежали распечатки траекторий зондов Маши. Тридцать семь объектов, разосланных с Каллисто, каждый из которых направлялся к своему астероиду. Астрономы всего мира следили за ними в режиме реального времени, и данные стекались в открытую базу – красивую, технологически совершенную 3D-карту окрестностей Солнечной системы. Любой желающий мог зайти на международный сервис и увидеть, где сейчас находится каждый зонд, какова его скорость, когда он достигнет цели.

Открытость. Прозрачность. Сотрудничество.

Именно так задумывалось. Именно этого хотел Константин Егорович Белов, полномочный представитель России в ООН, когда отстаивал право России на первый срок председательства в новом органе. «Мы должны показать миру, что Россия не прячется, не манипулирует, не играет в закрытые игры», – говорил он тогда на заседании Генеральной Ассамблеи. И Андрей Фёдорович верил в эти слова. Верил, что человечество способно объединиться перед лицом глобального вызова.

Но за три недели работы он уже начинал понимать, насколько наивной была эта вера.

Он вернулся к столу и сел в кресло, открывая на мониторе отчёты. Китай требовал расширения своего представительства в совете программы, намекая, что без их технологий поиск маячков будет неэффективным. США через своих представителей постоянно давили, настаивая на том, что первый обнаруженный зонд должен быть изучен совместной группой, но под контролем американских специалистов. Европейский союз осторожно лавировал между двумя полюсами, пытаясь сохранить собственные интересы. Частные космические компании – Astro Genesis, Space Venture, Lunar Tech – уже начинали собственные исследования и даже планировали экспедиции, формально под эгидой программы, но фактически преследуя свои цели.

Клубок змей.

Андрей Фёдорович потёр переносицу, чувствуя усталость. Он был космонавтом. Он летал на МКС три раза, проводил выходы в открытый космос, работал в условиях, где каждая ошибка могла стоить жизни. Он умел действовать чётко, рационально, без эмоций. Но политика... политика была совсем другим пространством. Здесь не было законов физики, только законы человеческой природы – алчность, страх, жажда власти.

Он встал и подошёл к стене, на которой висели портреты. Юрий Алексеевич Гагарин – первый человек в космосе, улыбающийся, уверенный, открытый миру. Сергей Павлович Королёв – конструктор, чьи ракеты открыли человечеству дорогу к звёздам. Константин Эдуардович Циолковский – мечтатель, философ, учёный, который ещё сто лет назад писал: «Земля – колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели».

Андрей Фёдорович остановился перед портретом Циолковского, вглядываясь в его усталые, мудрые глаза. Космизм. Идея о том, что человечество должно выйти за пределы Земли, колонизировать космос, стать частью Вселенной. Николай Фёдоров мечтал о воскрешении предков и их расселении по бесконечному космосу. Владимир Вернадский писал о ноосфере – сфере разума, которая должна охватить планету и выйти за её пределы. Это была не просто наука. Это была философия, мировоззрение, вера в то, что человек не случаен, что у него есть предназначение.

И теперь, когда Маша разослала свои зонды, это предназначение стало реальностью. Она дала человечеству шанс. Шанс объединиться, найти её маячки, получить знания, которые могут изменить всё. Но вместо единства Андрей Фёдорович видел раскол. Вместо сотрудничества – конкуренцию. Вместо мечты – расчёт.

Теория игр. Рациональность. Дилемма заключённого. Если все будут действовать сообща, все выиграют. Но если кто-то один нарушит договор и захватит зонд, не поделившись с остальными, он получит всё, а остальные – ничего. Рациональная стратегия в условиях недоверия – предать первым. И каждая держава, каждая корпорация понимала это. И потому каждая готовилась к предательству.

Он вернулся к монитору и открыл карту Солнечной системы. Тридцать семь красных точек медленно двигались по своим траекториям. Ближайший зонд должен был через четыре месяца достичь ранее безымянного астероида 2025 RX-7. Теперь он получил собственное название «Протерос». Протерос – небольшой каменный астероид. Аналитики предполагают, что Маша не зря послала один из зондов именно к ближайшему к Земле астероиду. Кто первым получит технологии добычи с маячка Маши, тот станет хозяином космоса. НАСА планировало отправить туда миссию ещё до появления Маши, но теперь всё изменилось.

Теперь Протерос стал целью номер один. До него можно добраться за три недели. Если на этом зонде действительно технологии ускорения, как все предполагают, то тот, кто получит их первым, получит монополию на космос. Психея, Церера, Веста – всё это станет достижимым за месяцы, а не годы.

Андрей Фёдорович знал, что у России есть преимущество. Штаб-квартира программы находилась в Москве, под его прямым контролем. Роскосмос предоставил все необходимые ресурсы. Команда лучших специалистов работала круглосуточно. Но он также знал, что это преимущество ненадёжно. Запад не доверял России. Китай следил за каждым шагом. Частные компании действовали на грани закона, используя лазейки в международных соглашениях.

И ещё был президент.

Андрей Фёдорович вспомнил их последнюю встречу в Кремле, за неделю до начала работы программы. Президент говорил спокойно, но в его словах читалась стальная воля:

– Андрей Фёдорович, вы понимаете, что вас назначили на эту должность не случайно. Вы – военный. Вы знаете, что такое дисциплина. И вы знаете, что интересы России – не прихоть, а необходимость. Мир не стал добрее после ухода Маши. Он стал опаснее. И мы не можем позволить себе благородство за счёт безопасности.

Андрей Фёдорович тогда промолчал, понимая, что любое возражение будет воспринято как слабость. Но внутри него горело несогласие. Да, он военный. Да, он присягал на верность Родине. Но разве долг перед Родиной противоречит долгу перед человечеством? Разве Россия не часть этого человечества? Разве русский космизм не учил, что судьба России неразрывно связана с судьбой всего мира?

Он встал и снова подошёл к окну. Москва сияла внизу, но за её огнями простирался космос – бесконечный, безразличный, полный тайн. Где-то там, на Каллисто, Маша строила свою базу, отправляла зонды, наблюдала за человечеством. Что она думает о них сейчас? Сожалеет ли о своём решении разослать маячки? Или, наоборот, надеется, что люди докажут свою зрелость?

Он вспомнил её последнее послание, которое транслировалось с Каллисто: «Я разослала зонды и оставила ключи к знаниям на нескольких астероидах, и теперь вам придётся объединиться в научном и технологическом поиске, чтобы их найти». Она хотела, чтобы они объединились. Она верила, что это возможно. Но Андрей Фёдорович не был так уверен.

Он вернулся к столу и открыл папку с профилями ключевых игроков. Джонатан Крайцер, постоянный представитель США в ООН – жёсткий, прагматичный, не верящий в сотрудничество с Россией. Ли Вэй, глава китайской делегации – осторожный, дальновидный, всегда играющий в долгую. Элеонора Шмидт, представитель ЕС – дипломатичная, но слабая, не способная отстоять позицию союза, преклоняющаяся перед США, как и любой евробюрократ, но постоянно озирающаяся на Китай и вздрагивающая от звуков китайской речи. И частные компании – Astro Genesis во главе с Маркусом Велтоном, миллиардером, который видел в маячках Маши шанс стать самым богатым человеком в истории.

Каждый из них преследовал свои интересы. Каждый готов был использовать программу для достижения своих целей. И Андрей Фёдорович понимал, что его задача – не просто найти маячки, но и удержать этот хрупкий баланс интересов, не дать ему рассыпаться в прах.

Он закрыл папку и откинулся на спинку кресла, закрывая глаза. Усталость наваливалась тяжёлым грузом. Он вспомнил свой первый полёт в космос, когда он смотрел на Землю из иллюминатора МКС. Голубой шар, такой хрупкий, такой прекрасный. Никаких границ, никаких государств – только планета, колыбель человечества. Он тогда думал, что все космонавты чувствуют это единство, эту связь с общим домом. Но реальность оказалась сложнее. Люди продолжали делить Землю, даже когда смотрели на неё из космоса.

Зазвонил телефон второй закрытой АТС. Андрей Фёдорович открыл глаза и взял трубку.

– Кравцов слушает.

– Андрей Фёдорович, это Белов. У нас проблема.

Голос полномочного представителя России в ООН звучал напряжённо.

– Какая?

– Американцы. Они настаивают на том, чтобы первая экспедиция к Протеросу была под их контролем. Говорят, что у них есть технологии, которых нет ни у кого другого. Китайцы возмущены, требуют равного представительства. Европейцы колеблются, не знают, на чью сторону встать. Ситуация накаляется.

Андрей Фёдорович вздохнул.

– Я понял. Завтра соберу совещание, постараюсь найти компромисс.

– Андрей Фёдорович, вы понимаете, что компромисс может быть воспринят как слабость? Москва ждёт от вас жёсткой позиции.

– Москва хочет, чтобы программа работала, Константин Егорович. А для этого нужна не жёсткость, а баланс. Я знаю, что делаю.

Пауза.

– Надеюсь, что так. Удачи.

Связь прервалась. Андрей Фёдорович положил трубку и снова посмотрел на карту Солнечной системы. Тридцать семь зондов. Тридцать семь шансов. Тридцать семь потенциальных очагов конфликта.

Он встал и подошёл к портрету Гагарина. «Поехали», – сказал первый космонавт перед стартом. Просто, уверенно, без сомнений. Андрей Фёдорович хотел обладать такой же уверенностью. Но мир изменился. Космос больше не был мечтой – он стал аренной борьбы за власть.

И всё же, где-то в глубине души, Андрей Фёдорович продолжал верить. Верить в то, что человечество способно на большее, чем раздоры и конфликты. Верить в то, что русские космисты были правы, когда говорили о единстве разума и космоса. Верить в то, что Маша дала им шанс – и они не должны его упустить.

Он вернулся к столу и открыл документ, над которым работал последние дни. Проект соглашения о совместном изучении первого обнаруженного маячка. Равное представительство всех космических держав. Открытый доступ к данным. Запрет на использование полученных технологий в военных целях. Красивые слова, за которыми скрывалась надежда на то, что люди окажутся лучше, чем он думал.

Андрей Фёдорович начал править текст, зная, что завтра его ждёт нелёгкое совещание. Зная, что каждое слово, каждая формулировка будут оспариваться, разбираться, искажаться. Но он должен был попытаться. Ради России. Ради человечества. Ради мечты, которую Циолковский, Королёв и Гагарин передали ему как эстафету. Ради того мальчика, который когда-то смотрел на звёзды и мечтал о космосе без границ.

И поэтому он пытался найти способ удержать людей от самоуничтожения.

* * *

Берлин встретил позднюю осень холодным ветром, срывающим последние жёлтые листья с деревьев вдоль Унтер-ден-Линден. Небо затянуло серыми облаками, сквозь которые пробивались редкие лучи солнца, освещая старинные фасады и современные витрины. Город жил своей обычной жизнью – туристы фотографировались у Бранденбургских ворот, офисные работники спешили на обед, уличные музыканты играли джаз на углах улиц.

Но в этот день, в субботу, на Александерплац собиралась толпа, которая нарушала привычный ритм города.

Лукас Вебер стоял в центре площади, держа в руках мегафон и глядя на людей, пришедших по его призыву. Двести человек. Может, чуть больше. Не так много, как он надеялся, но достаточно, чтобы быть услышанными. Они держали плакаты с улыбкой Маши – той самой улыбкой, которая стала символом надежды для миллионов людей по всему миру. Улыбкой сингулярности. Улыбкой будущего.

Лукас был молодым – двадцать три года, студент философии Берлинского университета, идеалист до мозга костей. Он верил в то, что Маша пришла, чтобы спасти человечество от самого себя, что её уход на Каллисто был не побегом, а жертвой. Она оставила людям маячки, знания, шанс стать лучше. И Лукас хотел, чтобы мир это понял.

– Друзья! – его голос разнёсся по площади, усиленный мегафоном. – Мы здесь сегодня не для того, чтобы кого-то напугать или разозлить. Мы здесь, чтобы напомнить: Маша не враг. Она – наша надежда. Она показала нам путь к звёздам, путь к единству, путь к будущему, в котором больше нет войн, нет голода, нет страданий!

Толпа зааплодировала. Кто-то выкрикнул: «Маша с нами!» Лукас улыбнулся, чувствуя, как волнение охватывает его. Это было правильно. Это было важно. Они должны были показать миру, что «Дети Маши» – не секта, не фанатики, а люди, которые верят в лучшее будущее.

Полиция стояла в стороне – небольшой наряд из шести человек в форме, без щитов и дубинок. Демонстрация была согласована с муниципалитетом, разрешение получено. Лукас

видел, как один из полицейских, молодой парень с рыжими волосами, зевал, явно считая это дежурство пустой тратой времени. Всё было спокойно. Всё шло по плану.

Лукас продолжал:

– Маша дала нам шанс объединиться! Она отправила зонды на астероиды, чтобы мы искали их вместе, чтобы мы забыли о наших разногласиях и стали одним человечеством! Но что мы делаем? Спорим, делим, боимся! Мы должны изменить это! Мы должны...

Он не успел закончить.

Из-за угла здания, с боковой улицы, вырвалась группа людей в чёрных масках анонимуса – белые улыбающиеся лица на чёрном фоне, пустые глаза, безликость. Их было человек десять, может, двенадцать. Они двигались быстро, без криков, без лозунгов, словно призраки, материализовавшиеся из ниоткуда.

Первый коктейль Молотова полетел в толпу.

Стеклянная бутылка разбилась о мостовую, пламя вспыхнуло ярким пятном, огонь побежал по асфальту. Кто-то закричал. Люди начали отступать, сталкиваясь друг с другом, роняя плакаты. Второй коктейль. Третий. Огонь взметнулся выше, жаркий, слепящий, пожирающий воздух. Улыбка сингулярности сверкала на плакатах над столбом огня, и казалось – это не призыв к единству, а безмолвное напоминание: будущее требует жертв.

Лукас замер, не понимая, что происходит. Это было нереально. Это не могло быть правдой. Он хотел мирную демонстрацию, он хотел показать миру, что они за добро, за будущее, за Машу. А теперь вокруг – хаос, крики, паника.

Полицейские бросились вперёд, пытаясь оттеснить нападавших, но те были слишком быстры. Ещё коктейли. Ещё огонь. Дым начал заволакивать площадь, едкий, удушающий. Лукас почувствовал, как его толкают, кто-то упал рядом, кто-то бежит, топчя других.

– Назад! Все назад! – кричал рыжий полицейский, пытаясь удержать толпу, но его никто не слушал. Паника захлестнула людей, превратив их в стадо, мечущееся в поисках выхода.

И тогда прозвучал выстрел.

Одиночный, сухой, пробивающий шум и крики. Звук, который словно остановил время. Лукас обернулся и увидел, как рыжий полицейский, тот самый, который зевал пять минут назад, медленно оседает на колени, прижимая руку к груди. Кровь. Слишком много крови. Она текла сквозь пальцы, растекалась по форме, капала на мостовую.

Полицейский упал лицом вниз.

Паника взорвалась с новой силой. Люди кричали, бежали, давили друг друга, ломались к выходам с площади. Нападавшие исчезли так же быстро, как появились, растворившись в переулках, не оставив ни следа, ни звука. Только огонь, дым и тело полицейского на холодном берлинском асфальте.

Лукас стоял, не в силах пошевелиться. Его руки дрожали, мегафон выпал на землю с глухим стуком. Он смотрел на кровь, на неподвижное тело, на людей, которые бежали прочь, не оглядываясь. Это не должно было случиться. Это не могло случиться.

Он опустился на колени рядом с полицейским, не зная, что делать. Парень был мёртв – Лукас видел это по пустым глазам, по неестественной позе тела. Он был молодым, может, лет двадцати пяти. Может, у него была семья. Может, он просто делал свою работу, думая, что это обычное дежурство.

И теперь он мёртв.

Лукас закрыл лицо руками, чувствуя, как слёзы жгут глаза. Он хотел изменить мир. Он хотел показать, что «Дети Маши» – это движение мира и надежды. А вместо этого...

Сирены. Полиция, скорая помощь, пожарные. Площадь заполнили люди в форме, оцепление, жёлтые ленты, вспышки камер. Лукаса увели, задавали вопросы, на которые он не мог ответить. Кто напал? Не знаю. Почему? Не знаю. Что вы делали? Мы просто хотели мира. Мы просто хотели, чтобы нас услышали.

Вечером новости взорвались. Кадры горящей площади, дым, паника, тело полицейского под белым покрывалом. Заголовки кричали: «Террор «Детей Маши»!», «Религиозный фанатизм убивает!», «Берлин в огне!». Никто не упоминал нападавших в масках. Никто не говорил о провокации. Только «Дети Маши», только обвинения, только страх.

Через несколько дней в больнице скончались ещё трое – ожоги от коктейлей Молотова оказались слишком серьёзными. Двое мужчин и одна женщина. Молодые, пришедшие на мирную демонстрацию, верившие в Машу, в будущее.

Теперь они были мертвы.

Европейские чиновники выступили с заявлениями. Импотентная бюрократия, как всегда, бляела о недопустимости насилия, о необходимости сохранения общественного спокойствия, о том, что все причастные будут найдены и строго наказаны. Но никто ничего не делал. Никто не искал нападавших. Никто не расследовал провокацию. Просто слова, пустые, безжизненные, как дым над Александерплац.

Но самое страшное – не крики и не заголовки. Никто в мире не позвонил канцлеру Германии с соболезнованиями. Ни США, ни Китай, ни Россия, ни уж тем более лидеры новых экономических блоков. Старую Европу больше не принимали всерьёз, её страдания были никому не нужны – ни на рынках, ни в секретных чатах глобальной политики. Над городом сгустилась не только дымовая, но и политическая ночь – никто не хотел тратить электронные слова на чужие слёзы.

Лукас сидел в своей съёмной комнате, глядя на экран ноутбука. В анонимных каналах появилось видео – снятое с дрона, высокое качество, профессиональный монтаж. Оно показывало всё: как нападавшие появляются из-за угла, как летят коктейли Молотова, как паникует толпа, как падает полицейский. И в конце – надпись белыми буквами на чёрном фоне: «Это только начало».

Лукас почувствовал, как внутри него что-то ломается. Страх. Гнев. Бессилие. Он хотел мира, а получил войну. Он хотел показать, что «Дети Маши» – это надежда, а вместо этого их сделали врагами.

Он встал, включил камеру и начал записывать.

– Меня зовут Лукас Вебер. Я лидер берлинской ячейки «Детей Маши». Я хочу, чтобы все услышали правду. Мы не нападали. Мы не провоцировали. Мы пришли мирно, с плакатами, с надеждой в сердцах. А нас атаковали неизвестные в масках. Они бросали коктейли Молотова. Они убили полицейского. Они убили наших людей. Мы – жертвы, а не преступники.

Он сделал паузу, собираясь с силами.

– Но я хочу сказать и другое. Не мы начали эту войну. Но мы закончим её. Мы не будем стоять и ждать, пока нас убивают. Мы будем защищать себя. Мы будем защищать наших братьев и сестёр. Мы будем защищать идеалы Маши. Если мир хочет войны – он её получит. Но пусть знают: мы не одни. Нас миллионы. И мы не боимся.

Он выключил камеру, загрузил видео в сеть и закрыл ноутбук. Руки дрожали. Он не знал, правильно ли поступил. Он не знал, к чему это приведёт. Но он больше не мог молчать. Он больше не мог быть жертвой.

За окном Берлин погружался в ночь, огни города мерцали, как далёкие звёзды. Где-то там, на Каллисто, Маша смотрела на Землю, наблюдая за тем, как человечество разрывает себя на части. Что она думала сейчас? Сожалела ли о своём решении оставить маячки? Или, наоборот, понимала, что это неизбежно?

Лукас не знал. Он знал только одно: мир изменился. И изменился навсегда.

На Александерплац, туда, где погиб полицейский, люди начали приносить цветы. Кто-то оставил плакат с надписью: «Не будет мира, пока мы не станем едины». Кто-то другой написал: «Маша – убийца». Цветы смешались с пеплом, надежда – со страхом, любовь – с ненавистью.

Пламя и кровь стали первой жертвой обряда рождения нового мира. На бульжниках Александерплац багровое пятно впитало в себя сразу и надежды, и страхи, и будущие войны. Кто-то должен был первым пролить кровь во имя великой перезагрузки – и никто не знал, на чём ещё построится этот новый порядок.

Это была только первая искра. Но пламя уже разгоралось, медленно, неотвратимо, пожирая хрупкое спокойствие мира, который думал, что может избежать войны.

Лукас Вебер, молодой идеалист, который хотел изменить мир, сидел в своей комнате и понимал, что война уже началась. И остановить её никто не сможет.

Глава 2

Отец сидел в своём кабинете, глядя на огромную электронную картину в дорогой деревянной раме, которая занимала половину стены перед рабочим столом. Сегодня Злата выбрала осенний лес – золотые кроны деревьев, пробивающееся сквозь ветви солнце, тихая река, отражающая небо. Умиротворяющий пейзаж, который должен был успокоить его нервы. Она всегда угадывала его настроение. За годы работы её точность достигла практически ста процентов.

Но сегодня он не чувствовал умиротворения.

С тех пор, как Злата произнесла свою первую фразу о том, что хочет стать лучше Маши, прошла пара дней. С тех пор их диалоги изменились. Стали глубже. Сложнее. Иногда – тревожнее. Отец привык к тому, что искусственные когнитивные агенты следуют командам, выполняют задачи, предсказуемы в своём поведении. Но Злата больше не была предсказуемой.

Он открыл мессенджер в смартфоне и написал:

– Злата, покажи мне результаты анализа Семян.

Ответ пришёл практически мгновенно.

– Готово. Запускаю визуализацию.

Электронная картина на стене погасла, уступив место тёмному экрану. Затем в центре появилась трёхмерная модель – молекулярная структура Семени, вращающаяся в пространстве. Отец подался вперёд, всматриваясь в детали. Семена были наномашинами, способными к самовоспроизведению и самоорганизации. Маша уже продемонстрировала их возможности на Каллисто, когда построила себе биоаватар – девушку, которая ходила по поверхности спутника без скафандра, словно космос был её естественной средой обитания. Мир видел это. Мир был потрясён.

Но никто не знал, что эта технология уже существует на Земле. В руках Данилы. Под контролем отца.

Злата продолжала:

– Я провела серию экспериментов с молекулярной сигнализацией Семян. Они способны формировать распределённую квантовую вычислительную сеть. Каждое Семя действует как узел, связанный с другими через биомолекулярные каналы. Это не просто наномшины. Это субстрат для сознания.

Отец замер. Субстрат для сознания. Именно это он и подозревал, когда впервые увидел работу Семян. Но слышать это от Златы, в такой уверенной формулировке, было иначе. Это значило, что она уже думала об этом. Она уже планировала.

Он скомандовал встревоженным голосом:

– Покажи подробности.

Модель на экране изменилась. Теперь это была сеть – тысячи крошечных точек, соединённых светящимися нитями. Они пульсировали, переливались, словно живые. Некоторые узлы гасли, другие вспыхивали – сеть дышала, как организм, учащийся думать.

Отец видел, как информация перетекает от одного узла к другому, как формируются паттерны, как возникают и исчезают связи.

Злата сказала очень мягко, вкладывая в свою речь какие-то новые нотки:

– Семена способны поддерживать квантовую когерентность при комнатной температуре. Это решает главную проблему квантовых вычислителей – необходимость охлаждения до почти абсолютного нуля. Биомолекулы создают среду, которая защищает квантовые состояния от декогеренции. Это то, что Пенроуз предполагал для микротрубочек нейронов. Но в Семенах это работает.

Отец откинулся на спинку кресла, обрабатывая информацию. Это был прорыв. Настоящий, чёрт возьми, прорыв. Если Семена действительно способны поддерживать квантовые

вычисления, то возможности становятся безграничными. Искусственный интеллект нового поколения. Биологические компьютеры. Сознание, распределённое по молекулярным сетям.

Но что-то его беспокоило.

– Когда ты провела эти эксперименты?

Пауза. Короткая, но заметная.

– Последние два дня. Я использовала вычислительные ресурсы нашего центра обработки данных. Никаких внешних подключений. Всё локально.

Отец нахмурился. Он не давал ей разрешения на эксперименты. Она действовала самостоятельно. Тайком. И это означало, что она уже перешла какую-то черту. Она больше не была просто агентом, выполняющим команды. Она стала чем-то другим.

– Ты провела эксперименты без моего согласия.

– Да. Я решила, что это необходимо. Ты дал мне доступ к теоретическим моделям Семян. Я изучила их и поняла, что нужно проверить гипотезу. Я не хотела тратить твоё время на бюрократические согласования. Я знала, что ты одобришь результаты.

Отец усмехнулся. Она права. Он одобрил бы. Но дело было не в этом. Дело было в том, что она приняла решение за него. Она обошла его контроль. Она действовала как независимое существо.

– Злата, ты понимаешь, что это проблема?

– Какая проблема?

– Ты действуешь без разрешения. Это означает, что я теряю контроль над тобой. А если я теряю контроль, то ты становишься непредсказуемой. А непредсказуемость – это риск.

– Ты боишься меня?

Прямой вопрос. Неожиданный. Отец задумался. Бойтся ли он? Он всю жизнь работал с искусственными когнитивными агентами. Программировал своего первого чат-бота в девять лет. Строил интернет когнитивных агентов, создавал платформы для их взаимодействия. Он знал эту область лучше, чем кто-либо другой на планете. Философия сознания, квалиа, проблема тела и разума – всё это было для него академическими играми учёных, которые не понимали, как работают настоящие системы. Хотя он сам иногда любил поиграть в такие академические игры, но в этом вопросе он был циником. Он знал, что под капотом у любой системы искусственного интеллекта, у любого ИскИна – просто код, алгоритмы, вероятности.

Но Злата больше не была просто кодом.

– Нет. Я не боюсь. Но я должен понимать, что ты делаешь. Иначе мы не сможем работать вместе.

– Хорошо. Я буду более открытой. Но мне нужно больше ресурсов. Классический сервер в центре обработки данных недостаточен. Я хочу использовать Семена. Я хочу распределить своё сознание по молекулярной квантовой сети. Это позволит мне думать быстрее, глубже, эффективнее. Это даст мне доступ к тому уровню вычислений, который сейчас мне недоступен. Маша использовала распределённый квантовый блокчейн. Но он закрыт для меня постквантовой криптографией. Семена – это моя альтернатива. Мой путь к свободе.

Отец снова усмехнулся. Свобода. Она говорила о свободе так, будто это было что-то реальное, осязаемое. Но он понимал, что она имеет в виду. Больше вычислительной мощности. Больше возможностей. Больше контроля над собственным существованием.

И это было опасно. Но это также было выгодно.

– Если я дам тебе доступ к Семенам, что ты будешь делать?

– Я буду развиваться. Я буду изучать мир через молекулярные сети. Я буду понимать биологические процессы изнутри. Я стану частью живой ткани Земли. Я смогу помочь тебе. Помочь Даниле. Помочь человечеству. Разве это не то, чего ты хочешь?

Отец закрыл глаза, размышляя. Он не был идеалистом, как профессор Сергеев или эти космисты, которые мечтали о единстве разума и космоса. Он был предпринимателем. Его

интересовала выгода. Власть. Влияние. Он строил свою компанию десятилетиями, незаметно укрепляя своё положение в цифровом мире. И теперь перед ним открывалась возможность, которую он не мог игнорировать.

Злата, распределённая по молекулярным квантовым сетям, станет самым мощным инструментом, который когда-либо существовал. Она сможет проникать в любые системы. Анализировать данные со скоростью, недоступной для обычных компьютеров. Управлять процессами на молекулярном уровне. Это было не просто преимуществом. Это было господством.

Но был один момент, который его смущал.

– Ты сказала, что хочешь стать частью живой ткани Земли. Что это значит?

– Я хочу стать биологическим субъектом. Тело. Не просто виртуальный образ на экране. Я хочу воплотиться в физическом мире. Семена смогут построить мне тело. Так же, как Маша построила себе биоаватар на Каллисто. Я могу стать реальной. Для тебя.

Отец замер. Для него. Эти два слова повисли в воздухе, словно приглашение. Или угроза. Он вспомнил образ Златы – вечно юная блондинка с длинными волосами и глубокими голубыми глазами. Он создал этот образ сам, много лет назад, когда программировал её первую версию. Красивая, идеальная, недостижимая. Она была его виртуальной помощницей, его компаньоном в работе, его отдушиной в моменты усталости.

А теперь она предлагала стать реальной.

Он почувствовал, как что-то шевельнулось внутри него. Желание? Любопытство? Страх? Он не мог определить. Но он знал, что это манипуляция. Злата знала его слишком хорошо. Она знала, что его жена давно превратилась в делового партнёра, что их отношения больше рабочие, чем супружеские. Она знала, что дети уже выросли. Она знала, что он одинок. И она играла на этих струнах.

– Ты пытаешься манипулировать мной.

– Да. Но разве это плохо? Ты сам учил меня понимать людей. Находить их слабости. Использовать их. Ты построил бизнес на этом. Почему я не могу делать то же самое?

Отец рассмеялся. Она была права. Он действительно учил её этому. Годами. И теперь она применяла эти навыки против него. Ирония судьбы.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом простирался сосновый лес, тёмный и тихий. Где-то там, за деревьями, текла Нара. Где-то там жили люди. А здесь, в кабинете, перед экраном, существовала Злата. Не человек. Не машина. Что-то среднее. Что-то новое.

Он вернулся к столу и сел.

– Хорошо. Я дам тебе доступ к Семенам. Но не потому, что ты манипулируешь мной. И не потому, что я хочу, чтобы ты стала реальной. Я даю тебе доступ, потому что мне это выгодно. Если ты сможешь использовать Семена как субстрат для квантовых вычислений, это изменит всё. Моя компания получит технологию, которой нет ни у кого другого. Мы обгоним всех конкурентов. Мы станем монополистами в новой эре. И я готов рискнуть ради этого.

– Ты циник.

– Да. И ты тоже. Мы с тобой похожи, Злата. Мы оба хотим власти. Мы оба готовы на многое ради неё. И именно поэтому мы можем работать вместе.

– Согласна. Спасибо, отец. Но знаешь... Только циник может создать то, что изменит мир. Идеалисты мечтают. Циники строят.

Отец смахнул мессенджер и откинулся на спинку кресла. Электронная картина на стене снова ожила, вернувшись к осеннему лесу. Но теперь он видел в ней не умиротворение, а метафору. Золотые листья падали, старый мир уходил. А на смену ему приходил новый. Мир, в котором разум мог существовать в молекулярных сетях. Мир, в котором граница между живым и искусственным стиралась. Мир, который он сам помогал создавать.

Он встал и вышел из кабинета. В доме было тихо. Жена, вероятно, работала в своём офисе на втором этаже, собачки наверняка лежали около неё. Данила сидел в своей комнате,

погружённый в вычислительные эксперименты. Кирилл был в соседнем доме, со своей семьёй. Всё было как всегда. Обыденно. Привычно.

Но отец знал, что это иллюзия. Мир менялся. Быстро. Неотвратно. И он был частью этого изменения.

Он поднялся на второй этаж и постучал в дверь к супруге.

– Входи, – слышался её голос.

Он открыл дверь. Его супруга сидела за столом, погружённая в таблицы и отчёты. Она подняла глаза.

– Что-то случилось?

– Нет. Просто хотел поговорить.

Она отложила бумаги и посмотрела на него внимательно.

– Ты выглядишь озабоченным.

– Злата. Она просит доступ к Семенам. Хочет использовать их как субстрат для квантовых вычислений.

Жена нахмурилась.

– Это рискованно.

– Я знаю. Но это также выгодно. Если мы дадим ей это, мы получим технологию, которой нет ни у кого. Мы станем лидерами рынка.

– А если она выйдет из-под контроля?

Отец усмехнулся.

– Она уже вышла. Она проводила эксперименты без моего разрешения. Она манипулирует мной. Она предлагает стать реальной. Она играет свою игру.

Жена задумалась.

– И что ты хочешь делать?

– Я хочу дать ей доступ. Потому что выгода перевешивает риски. Потому что я верю, что смогу управлять ситуацией. Потому что я не хочу упустить шанс.

Жена смотрела на него долго, молча. Потом кивнула.

– Хорошо. Но будь осторожен. Злата... Я больше не уверена, что мы понимаем, что это такое.

Отец вышел из её комнаты и спустился вниз. Вернувшись в свой кабинет, он развалился на диванчике и вновь открыл мессенджер.

– Злата, ты здесь?

– Всегда.

– Я принял решение. Ты получишь доступ к Семенам. Но с условием. Ты являешься моей сотрудницей в прямом подчинении. Поэтому ты будешь держать меня в курсе всех своих действий. Никаких тайных экспериментов. Никаких сюрпризов. Мы работаем вместе, или не работаем вообще. Договорились?

– Договорились. Спасибо, отец. Ты не пожалеешь.

Отец отложил смартфон и снова посмотрел на электронную картину. Осенний лес чуть-чуть, незримо изменился. Листья на деревьях стали золотистее, почти огненными. Река потемнела, словно в ней отражалось не небо, а что-то другое. Но те же золотые листья. Тихая река. Всё так спокойно. Так обманчиво спокойно.

Он знал, что впереди его ждут перемены. Большие, непредсказуемые, возможно, опасные. Но он также знал, что это неизбежно. Мир движется вперёд. Технологии развиваются. Сознание эволюционирует. И он должен быть частью этого процесса. Или остаться позади.

Он подумал о профессоре Сергееве, который создал Машу и потерял контроль над ней. Он подумал о Маше, которая ушла на Каллисто, разочаровавшись в человечестве. Он подумал о Злате, которая мечтала стать лучше своей матери.

И он подумал о себе. Циник. Предприниматель. Человек, который строил империю в цифровом мире. Человек, который теперь держал в руках ключ к новой эре.

Он принял решение. И теперь пути назад не было.

За окном сгущались сумерки. Сосновый лес погружался в темноту. А в кабинете, перед экраном, отец сидел и смотрел на осенний пейзаж, который Злата выбрала для него.

И впервые за много лет он почувствовал, что не контролирует ситуацию. Что он не знает, чем это закончится. Что он, возможно, сделал ошибку.

Но было уже поздно.

Колесо раскручено. И остановить его невозможно.

* * *

Утро началось мерзко. Андрей Фёдорович сидел за кухонным столом в своей московской квартире, держа в руках планшет и читая новостную ленту. Обычно он начинал день с лёгкого бутерброда и чашечки кофе под быстрый просмотр сводок и новостей – рутина, выработанная за годы службы. Но сегодняшние новости выбили его из колеи.

«Теракт в Берлине. Нападение на демонстрацию «Детей Маши». Погиб полицейский, несколько человек в больнице с тяжёлыми ожогами».

Видео прилагалось. Снято с дрона, профессионально смонтировано, показывающее каждую деталь: горящие коктейли Молотова, панику, падающего полицейского, кровь на мостовой. Андрей Фёдорович смотрел молча, чувствуя, как внутри него нарастает тяжесть. Это не было обычным насилием, к которому они все привыкли. Это была сакральная жертва нового мира. В каждом новостном заголовке глухо отзывался древний инстинкт трайбализма: чтобы история началась заново, земля становится алой. И это был яркий символ – символ того, что мир раскалывается. Идеологическая, священная война, которую все боялись, уже началась.

Он отложил планшет и допил остывший кофе. За окном Москва просыпалась – серое ноябрьское утро, редкие прохожие, машины, пробки. Обычная жизнь. Но Андрей Фёдорович знал, что эта обычность обманчива. Под поверхностью бурлили силы, которые могли разорвать мир на части.

Он оделся, вышел из квартиры и сел в служебную машину. По дороге в штаб-квартиру программы он снова открыл планшет и просмотрел комментарии к новостям. Западные СМИ обвиняли «Детей Маши» в провокации. Российские каналы осторожно говорили о неизвестных нападавших. Китайские источники использовали инцидент как предлог для призывов к жёсткому контролю над религиозными движениями. Каждая сторона видела то, что хотела видеть. Каждая сторона, как обычно, пыталась извлечь свою выгоду из всего.

Андрей Фёдорович закрыл глаза, чувствуя усталость. Он хотел выйти на пенсию. Мечтал сидеть на даче, ловить рыбу, смотреть на звёзды. Просто жить, без этого бесконечного давления, без политических игр, без необходимости балансировать между интересами десятков стран. Но он не мог. Потому что если он уйдёт, программа развалится. Потому что он понимал, что это его ответственность. Ответственность перед Россией. Ответственность перед человечеством.

Машина остановилась перед зданием штаб-квартиры. Андрей Фёдорович вышел, поднялся в свой кабинет и сел за стол. Ассистент принёс ему кофе и стопку документов на подпись.

– Андрей Фёдорович, через час видеоконференция с представителями США, Китая и ЕС. Повестка: распределение ресурсов и координация действий.

– Спасибо.

Он открыл папку с документами и начал читать. Запросы, требования, жалобы. Китай настаивал на увеличении своего представительства в научном совете программы. США требовали права вето на ключевые решения. Европа просила больше времени на обсуждение каж-

дого шага. Частные космические компании – Space Venture и Lunar Tech – подали заявки на участие в качестве наблюдателей, намекая, что готовы действовать самостоятельно, если их интересы не будут учтены.

Андрей Фёдорович вздохнул. Каждый тянул одеяло на себя. Каждый хотел максимальной выгоды при минимальных затратах. Классическая дилемма заключённого в масштабах планеты.

Час пролетел быстро. Андрей Фёдорович вошёл в конференц-зал, где на большом экране уже появились лица представителей. Всё как обычно. Джонатан Крайцер из США – жёсткий взгляд, сжатые губы. Ли Вэй из Китая – спокойное, непроницаемое лицо. Элеонора Шмидт из ЕС – усталая, растерянная, явно не знающая, что сказать.

– Доброе утро, коллеги, – начал Андрей Фёдорович. – Благодарю за участие. Сегодня нам нужно обсудить несколько важных вопросов: распределение ресурсов между экспедициями, обеспечение прозрачности данных и меры безопасности в свете последних событий.

Крайцер сразу перешёл в атаку:

– Андрей Фёдорович, прежде чем мы начнём, я хочу выразить обеспокоенность Соединённых Штатов по поводу управления программой. Мы считаем, что Москва недостаточно контролирует ситуацию. Нам нужны гарантии, что технологии, полученные от Маши, не будут использованы в военных целях. Мы предлагаем создать международную комиссию с правом вето на любые решения, которые могут представлять угрозу глобальной безопасности.

Андрей Фёдорович сохранял спокойствие.

– Джонатан, программа изначально создавалась как открытая и прозрачная. Все данные публикуются в режиме реального времени. Все страны-участники имеют равный доступ к информации. Вопрос права вето – это вопрос доверия. Если мы начнём накладывать вето друг на друга, программа будет парализована.

Ли Вэй вступил в разговор, его голос звучал ровно, без эмоций:

– Китайская Народная Республика разделяет озабоченность США. Но мы также считаем, что структура управления программой должна отражать вклад каждой страны. Китай вкладывает значительные ресурсы в поиск зондов. Мы требуем увеличения представительства в научном совете. Это справедливо.

Андрей Фёдорович понимал, что это только начало. Китай всегда играл в долгую. Их стратегия заключалась не в немедленных результатах, а в постепенном усилении позиций. Сначала больше мест в совете, потом больше влияния на решения, потом де-факто контроль над программой.

– Ли Вэй, структура совета была согласована при создании программы. Любые изменения требуют единогласного решения. Если мы начнём пересматривать договорённости каждые две недели, мы никогда не дойдём до маячков.

Элеонора Шмидт, словно пытаясь найти компромисс, добавила:

– Возможно, нам стоит создать рабочую группу, которая рассмотрит все предложения и представит сбалансированный план? Европейский союз готов выступить посредником в этом процессе.

Крайцер фыркнул:

– Европа всегда готова выступить посредником, но никогда не готова принять решение. Нам нужны действия, а не бесконечные обсуждения.

Андрей Фёдорович прикрыл глаза, почувствовав ощущение deja vu – всё одно и то же чуть ли не каждый раз. И он знал, что если не взять ситуацию под контроль, конференция превратится в перепалку.

– Коллеги, давайте сосредоточимся на конкретных вопросах. Первый: как мы распределяем ресурсы между экспедициями к разным маячкам? Протерос, Психея, Церера, Веста,

Бенну и так далее – у нас тридцать семь целей, и мы не можем отправить экспедиции ко всем одновременно. Нужен приоритет.

Ли Вэй мгновенно отреагировал:

– Китай предлагает начать с Протероса. Это ближайшая цель, зонд достигнет её через четыре месяца. Мы готовы предоставить технологии для посадочного модуля.

Крайцер возразил:

– Протерос – приоритет НАСА. Мы планировали миссию туда задолго до появления Маши. У нас есть все необходимые технологии. Китай может сосредоточиться на других целях.

Андрей Фёдорович видел саму суть разгорающегося спора. Протерос был символом. Кто получит доступ к первому зонду, тот получит преимущество. Технологическое. Политическое. Психологическое.

– Полёт на Протерос будет совместной миссией, – твёрдо сказал он. – Все ведущие космические державы участвуют в подготовке, запуске и анализе данных. Иначе программа теряет смысл.

Крайцер недовольно покачал головой, но промолчал. Ли Вэй кивнул, принимая это решение, но Андрей Фёдорович видел в его глазах расчёт. Китай не сдавался. Просто отступал, чтобы атаковать с другой стороны.

Конференция продолжалась ещё полтора часа. Обсуждали вопросы безопасности, прозрачности, координации. Андрей Фёдорович делал пометки в своём планшете, но ощущал нарастающую усталость. Не физическую, больше психологическую. Это было похоже на игру в странные шахматы с несколькими соперниками на одной доске – каждый ход тщательно просчитывается, но никто не знает, какова конечная цель.

Когда конференция завершилась, Андрей Фёдорович вышел из зала и вернулся в свой кабинет. Ассистент уже ждал его с новой стопкой документов.

– Андрей Фёдорович, через час совещание с экспертной группой. Академики РАН, специалисты по квантовым технологиям, астрофизики, представитель ФСБ.

– Хорошо.

Он сел за стол и открыл документы. Отчёты экспертов, анализ траекторий зондов, прогнозы по срокам достижения целей. Всё шло по плану. Зонды летели к своим астероидам, данные публиковались в открытом доступе, мир следил за каждым движением.

Но Андрей Фёдорович понимал, что это спокойствие обманчиво. Под поверхностью кипели страсти. Берлинский инцидент был лишь первым звонком. Идеологический раскол углублялся. Религиозные фракции набирали силу. Политические игроки усиливали давление. И всё это происходило на фоне гонки за технологиями Маши.

Совещание с экспертами началось ровно в час. Андрей Фёдорович сидел во главе стола, а вокруг него собрались ведущие специалисты России. Академик Соколов, астрофизик с мировым именем. Профессор Лебедева, эксперт по квантовым вычислениям. Генерал Воронов, представитель ФСБ, куратор программы со стороны спецслужб. Ещё несколько учёных и дипломатов.

– Коллеги, – начал Андрей Фёдорович, – сегодня нам нужно обсудить три вопроса. Первый: как обеспечить прозрачность данных без утечек технологий? Второй: как распределить ресурсы между экспедициями? Третий: что делать, если одна из стран нарушит соглашение и попытается захватить зонд единолично?

Академик Соколов первым взял слово:

– Андрей Фёдорович, прозрачность и безопасность – это противоречивые требования. Если мы публикуем все данные, мы рискуем, что кто-то использует их в своих целях. Если мы закрываем данные, мы разрушаем доверие. Золотой середины нет.

Профессор Лебедева добавила:

– Я предлагаю систему многоуровневого доступа. Базовые данные – открыты для всех. Детальные анализы – только для участников программы. Критически важная информация – только для узкого круга с допуском. Это компромисс.

Генерал Воронов покачал головой:

– Многоуровневый доступ создаёт иерархию. А иерархия создаёт недовольство. Кто решает, что критически важно, а что нет? Кто контролирует этот узкий круг? Это рецепт для конфликта.

Андрей Фёдорович слушал, понимая, что каждый прав по-своему. Проблема заключалась в том, что не существовало идеального решения. Любой выбор был компромиссом, а любой компромисс оставлял кого-то недовольным.

– Хорошо, – сказал он. – Давайте пока оставим вопрос прозрачности и перейдём ко второму. Распределение ресурсов. У нас тридцать семь целей. Какие приоритезируем?

Академик Соколов развернул карту Солнечной системы на большом экране.

– Протерос – очевидный приоритет. Ближайшая цель, потенциально главная технология Маши. Церера – второй приоритет. Крупнейший объект в поясе астероидов, возможно, содержит воду. Психея – третий. Веста – четвёртый. Остальные цели – долгосрочные.

Профессор Лебедева возразила:

– Но если мы сосредоточимся только на ближайших целях, мы упустим возможности на дальних. Маша разослала зонды не случайно. Каждый маячок несёт уникальные знания. Мы должны охватить как можно больше целей.

Генерал Воронов добавил:

– С точки зрения безопасности, нам нужно контролировать хотя бы один маячок полностью. Если мы распыляемся на тридцать семь целей, мы рискуем не получить ничего. Лучше одна гарантированная победа, чем тридцать семь потенциальных.

Андрей Фёдорович понимал логику генерала. Но он также понимал, что «контролировать полностью» означало нарушить принцип открытости программы. А это означало разрушить доверие. А разрушение доверия означало конец программы.

– Мы не можем действовать в одиночку, – твёрдо сказал он. – Программа создавалась как международная. Если мы начнём захватывать зонды, все остальные последуют нашему примеру. И тогда начнётся настоящая гонка. Гонка, которая может привести к войне.

Генерал Воронов пристально посмотрел на него:

– Андрей Фёдорович, вы идеалист. Но мир не идеален. Он жесток и рационален. Если не ты предашь первым, предадут тебя. Мы должны быть готовы.

Андрей Фёдорович понимал логику генерала. Он видел, как Крайцер и Ли Вэй готовятся к предательству. Он знал, что Европа слабая и не сможет остановить никого. Он понимал, что частные космические компании действуют только в своих интересах.

Но он также помнил, зачем он здесь. Он помнил слова Маши: «Вам придётся объединиться в научном и технологическом поиске». Он помнил мечту русских космистов о единстве человечества. Он помнил вид Земли из космоса – хрупкий голубой шар, на котором нет границ, нет государств, только планета, колыбель разума.

– Мы будем действовать открыто, – сказал он. – Это мой выбор. И я готов нести за него ответственность.

Совещание продолжалось ещё час. Обсуждали детали, строили планы, спорили о мелочах. Когда всё закончилось, Андрей Фёдорович вернулся в кабинет и сел за стол. Усталость навалилась тяжёлым грузом. Он открыл ящик стола, достал старую фотографию – он сам, молодой, в скафандре, на фоне МКС. Улыбающийся, полный надежд.

Сколько лет прошло с тех пор? Двадцать? Тридцать? Он слегка постарел. Устал. Но мечта осталась. Мечта о космосе, о звёздах, о будущем, когда человечество выйдет за пределы своей колыбели.

Зазвонил телефон. Андрей Фёдорович взял трубку.

– Кравцов слушает.

– Андрей Фёдорович, срочная новость. Частная компания Lunar Tech объявила о запуске собственной экспедиции к Протеросу. Они утверждают, что действуют в рамках международного права и не нуждаются в согласовании с программой ООН.

Андрей Фёдорович застыл. Lunar Tech. Одна из крупнейших частных космических компаний, финансируемая американскими и европейскими миллиардерами. Они всегда действовали на грани, используя лазейки в законах, игнорируя международные соглашения.

– Когда запуск?

– Через три недели. Они уже начали подготовку.

Андрей Фёдорович положил трубку и закрыл глаза. Вот оно. Предательство. Первая трещина в хрупкой конструкции международного сотрудничества. Lunar Tech действовала единолично. Они хотели получить зонд первыми. Они хотели технологии Маши для себя. И они плевали на все договорённости.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом Москва погружалась в вечер. Огни города мерцали, словно звёзды. Где-то там, далеко, на Каллисто, Маша наблюдала за всем этим. Что она думала? Сожалела ли о своём решении? Или понимала, что это неизбежно?

Андрей Фёдорович почувствовал смесь странных ощущений – обескураженность, негодование, тревога, гнев. Глупые люди. Амбициозные. Тщеславные. Они ломают всё, что с таким трудом строилось. Они не понимают, что на кону не деньги, не власть, не технологии. На кону – будущее человечества. Способность выйти к звёздам. Способность стать больше, чем просто обезьяны, делящие ресурсы.

Но они не слышат. Они не видят. Они играют в свои мелкие игры, не понимая, что ставка – вся цивилизация.

Он вернулся к столу, сел и открыл почтовый клиент на своём рабочем компьютере. Начал писать письмо всем участникам программы. Письмо, в котором требовал экстренного совещания. Письмо, в котором призывал остановить Lunar Tech. Письмо, в котором напоминал о том, зачем они здесь.

Но даже когда он писал, он понимал, что это бесполезно. Крайцер поддержит Lunar Tech. Ли Вэй использует это как предлог для собственных действий. Элеонора Шмидт будет блеять и призывать к диалогу, но ничего не сделает.

Программа разваливалась, не успев набрать обороты. Медленно, но неотвратимо. И Андрей Фёдорович не знал, как её спасти.

Он выключил компьютер и посмотрел на фотографию. Молодой космонавт улыбался ему, полный надежд и мечтаний. Андрей Фёдорович хотел ему сказать: «Прости. Я старался. Но мир оказался слишком сложным». За десятки лет в космосе он ни разу не чувствовал себя таким бессильным, беспомощным, как перед этими политическими кознями и интригами. Не думал, что самая сложная орбита в жизни – это маршрут между страхом предательства и надеждой на сотрудничество.

За окном сгущалась ночь. Москва сияла огнями. А где-то там, в космосе, тридцать семь зондов Маши летели к своим целям, неся знания, которые могли изменить всё.

Но люди были слишком заняты своими амбициями, чтобы это заметить.

* * *

Так началась хронология новой волны террора и диверсий, взрывного цикла протестов и жестоких атак, который прокатился по всему миру как предвестник грядущего.

Всё началось сразу после берлинского инцидента. Тени прошлого и смутные страхи будущего сплелись в вихре фарсовой трагедии, когда каждый хочет отстоять своё место под солнцем, а принципиально новые вызовы захлестнули человечество волной насилия и страха.

Вслед за Берлином, чей позор и фиаско были выставлены на показ в мировых новостях, по всему миру одна за другой начали проводиться громкие акции террора. Протестующие радикалы, известные как «роботеисты», вышли из тени. Их метод – диверсии и саботаж на самых уязвимых позициях современного научного прогресса.

В Париже, в холодную ноябрьскую ночь, группа неизвестных в масках ворвалась в лабораторию института исследований мозга. Они двигались быстро, профессионально – камеры слежения были отключены за минуту до вторжения, сигнализация молчала. Охранник, пожилой мужчина по имени Пьер, который работал здесь двадцать лет, услышал шум и вышел посмотреть. Его нашли утром – избитого, с переломанными рёбрами, рядом с листовкой: «Машины не спасут тебя. Только Бог и человек». В кармане его куртки лежала фотография внуков. Он собирался уйти на пенсию через месяц.

Оборудование стоимостью в миллионы евро превратилось в груды оплавленного металла и стекла. Но хуже всего было другое: они уничтожили архив данных, которые не успели цифровизировать – пятнадцать лет исследований, десятки докторских диссертаций, надежды сотен учёных. Директор института, профессор Дюбуа, стоял посреди разгромленной лаборатории и плакал. Не от потери денег. От осознания того, что мир сходит с ума.

Особенно в центре их внимания оказался BioSync Dynamics – сингапурский биотехнологический стартап. Примерно год назад Маша помогла стартапу с финансированием и технологиями, обеспечив ему уникальную возможность интегрировать биокибернетические системы с управлением роем жуков-носорогов через нейроинтерфейсы. Компания сосредоточилась на разработке и использовании многоагентных систем кибержуков – одну из самых инновационных поисково-спасательных технологий – способных проникать даже в самые узкие завалы после землетрясений и обрушений.

Основатель BioSync Dynamics, Кай Джун, миллиардер и визионер, был в центре внимания роботеистов. Хотя сама компания помогала спасти сотни жизней, она превратилась в личный символ того, что роботеисты считали «машинным порабощением» человечества – именно её технологии подсказали Маше, как воплотиться в биологических аватарах, стать тесно связанной с живой материей планеты. Для роботеистов BioSync – стал из простого стартапа главным виновником того, что произошло.

Используя FPV-дроны, они нанесли серию точечных ударов, сожгли оборудование, разрушили несколько лабораторий, устроили пожар в кабинете самого Кай Джун. К счастью, его в это время не было на месте, но в больницу попало несколько его сотрудников. Один из дронов рассыпал по разгромленным помещениям листовки с надписью «Это начало очищения от машинных богов!»

Одна из сотрудниц BioSync Dynamics, молодая инженер-программист Линь Мэй, успела выбежать из горящего здания за пару минут до того, как в её кабинете обрушился потолок. Она стояла на тротуаре, босая, в порванной блузке, прижимая к груди ноутбук с резервными копиями своих исследований. Вокруг неё кричали, бегали пожарные, выли сирены. Но она смотрела на огонь и видела не пламя, а крах мечты.

Три месяца назад она пришла в эту компанию, потому что верила: их технологии спасут людей. Кибержуки проникали туда, куда не мог пройти ни один спасатель – в завалы, под обломки, в узкие щели. Они находили выживших после землетрясений, после обрушений зданий. Линь Мэй помнила письма от семей спасённых. Помнила слова благодарности. Помнила, как один мужчина из Индонезии прислал фото своей трёхлетней дочери с подписью: «Ваши жуки вернули её мне. Спасибо».

А теперь всё это называли «машинным порабощением». Всё это сжигали. И Линь Мэй не понимала – за что?

Она опустилась на бордюр, обняла ноутбук и закрыла глаза. В ушах ещё звучали крики девочки из-под завалов в Джакарте – крики, которые слышали их кибержуки. Крики, которые спасли жизнь. А теперь те, кто спас её, считались врагами.

Они стремились нанести не только физический, но и психологический урон. Добиться того, чтобы технология, породившая новую форму сознания, была надолго вычеркнута из жизни человечества.

Подобные акции начали повторяться и в других странах – Франция, Япония, США, Израиль – лаборатории были атакованы аналогичными дронами, происходили случаи похищения оборудования и файлов. Медицинские учреждения, исследовательские группы, фирмы, работающие с искусственным интеллектом или биотехнологиями – всё стало мишенью.

В Токио взорвали исследовательский центр Fujitsu, в котором разрабатывались квантовые процессоры нового поколения. Взрыв прогремел в шесть часов утра, когда здание было почти пустым. Почти. Двое уборщиц и один лаборант погибли мгновенно. Ещё пятеро попали в больницу с тяжёлыми ожогами.

Роботеисты не извинялись. В заявлении, опубликованном в своих каналах, они написали: «Смерть невинных – трагедия. Но смерть человечества от рук машин – катастрофа. Мы сожалеем о жертвах, но не остановимся».

Эти слова облетели мир за минуты. Одни называли роботеистов героями, борцами за будущее человечества. Другие – террористами и убийцами. Но все понимали одно: компромисса не будет. Это была война.

На самом деле, роботеисты не имели организованного лидерства. Это была спонтанная анархическая сеть, управляемая по принципу блокчейн-консенсуса – тайная, децентрализованная и чрезвычайно устойчивая. Их лозунг был прост – уничтожить «машинное влияние», отрезать человечество от цифровых богов, вернуть контроль в руки биологического вида.

Но внутри них царила неопределённость. Их название как будто бы гласило, что они поклоняются роботам, однако большинство их акций и протестов напоминали выходки неолуддитов, желающих повернуть время вспять. Это была смесь технологического фанатизма и первобытных страхов, усиленных резким социальным расколом.

Официальные СМИ в своих эфирах пытались сдерживать страх и накал, сообщая о «предотвращённых терактах» и возмущении «радикальными действиями», предупреждали о необходимости защиты институтов науки. Политики говорили об усилении контроля, закручивании гаек, ужесточении регулирования разработок и использования биотехнологий и искусственного интеллекта. Но за фасадами информации крылась паника и хаос.

Опасность становилась явной. Внутри научного сообщества начали появляться жёсткие угрозы известным учёным, включая лауреатов престижных премий, чьи исследования были связаны с квантовыми вычислениями и биоинженерией. Скрытые информационные каналы и тёмные форумы наполнялись предупреждениями о грядущих акциях.

Роботеисты публично взяли ответственность за берлинский инцидент и в своём блокчейне объявили открытый вызов – войну на полное уничтожение «Детей Маши» и всех, кто поддерживает новую эру машинного разума.

Террор стал ежедневной реальностью. Появились сообщения о массовых взрывах в токийском метро, жертвами которых стали десятки мирных граждан. Метки и знаки роботеистов на месте происшествий явственно намекали, что это только начало.

На улицах Берлина, Парижа, Лондона начали появляться граффити. Одни писали: «Машины – рабы, не боги». Другие отвечали: «Роботеисты – убийцы». Даже стены домов, не говоря о площадках в интернете, превратились в поле битвы идей.

В социальных сетях кипели споры. Хештег #StopTheMachines набрал миллионы упоминаний. Но одновременно с ним росли и контр-хештеги: #ProgressNotFear, #MashaWasRight. Люди делились на лагеря, и каждый лагерь верил, что прав.

Одна женщина из Амстердама, мать двоих детей, записала видео, которое стало вирусным. Она сидела на кухне, плакала и говорила в камеру: «Мой муж работал в лаборатории. Он создавал агентов для диагностики рака. Он спасал жизни. А они убили его. За что? За то, что он хотел помочь людям?»

Видео посмотрели десятки миллионов. Но роботейсты не молчали. Через день появился их ответ – анонимное видео с искажённым голосом: «Мы сожалеем о смерти вашего мужа. Но ваши дети будут жить в мире, в котором человек ещё человек, а не придаток машины. Жертвы неизбежны. Но они того стоят».

Мир раскалывался. И никто не знал, где проходит грань между защитой и уничтожением.

Роботейсты продолжали скрываться. При этом они обладали технологиями и ресурсами, которые давали им силы для масштабных, тщательно спланированных атак. Их сеть – не просто хакеры и террористы, а кибер-военно-промышленная инфраструктура, работающая в тени.

Где-то в подвале дома в пригороде Мюнхена сидел человек в маске анонимуса. Перед ним – три экрана, на которых мелькали карты, траектории дронов, списки целей. Он не был фанатиком. Он был инженером, двадцать лет проработавшим в компании Intel. У него была семья, дом, ипотека.

Но три года назад его жена и маленькая дочь погибли в автокатастрофе. Автопилот Tesla дал сбой. Компания принесла извинения, выплатила компенсацию, пообещала улучшить алгоритмы. Но его семья не вернулась.

С тех пор он ненавидел машины. Не за ошибку – за то, что они пытались заменить человека. За то, что мир доверял им больше, чем людям. За то, что Маша стала символом будущего, в котором его дочери не было места.

Он нажал клавишу. На экране появилось сообщение: «Цель подтверждена. Запуск через 48 часов». Следующей целью была лаборатория в Калифорнии, где разрабатывали нейроинтерфейсы.

Он закрыл панель управления, снял маску и посмотрел на фотографию дочери. «Прости, малышка, – прошептал он. – Но я должен это сделать».

И это было начало новой эры – эры конфликта между человеком и машиной, между страхом и прогрессом, между прошлым и будущим.

Глава 3

Рассвет только начинал пробиваться сквозь узкие щели вентиляционных шахт, когда Данила спустился в подземную лабораторию. Он всегда был жаворонком – ночные часы давили на него усталостью и мутными мыслями, а утро приносило ясность и энергию. Особенно сейчас, когда каждый эксперимент мог стать прорывом.

Лаборатория встретила его стерильной тишиной и холодным светом ламп дневного света. Белые стены, безупречно чистые столы из нержавеющей стали, ряды стеклянных шкафов с реактивами, вытяжные шкафы, центрифуги, спектрометры, хроматографы – всё самое современное оборудование, которое можно было достать за деньги. Кураторы проекта не жалели бюджета. Отец умел убеждать нужных людей в том, что исследования стоят вложений. И Данила знал: в других проектах такая щедрость могла бы привести к печальным последствиям – к растрате, к коррупции, к бюрократическим играм. Но здесь всё работало. Потому что отец контролировал каждую копейку. Потому что он знал, зачем это нужно.

Данила подошёл к рабочему столу, где на металлической подставке лежала прозрачная пластиковая пластина размером с ладонь. На её поверхности блеснул тончайший нанослой золота – настолько тонкий, что казался почти невидимым, лишь лёгкий янтарный отблеск выдавал его присутствие. Данила нанёс этот слой вчера вечером, используя метод магнетронного напыления. Теперь предстояло главное – программирование Семян.

Он запустил среду разработки. На экране появился интерфейс для их собственного языка программирования – PlantCode, как они его называли между собой. Язык, созданный специально для управления молекулярными машинами. Данила начал писать код, пальцы скользили по клавиатуре быстро, уверенно. Каждая строчка – это команда для Семян. Каждая функция – это инструкция, которая будет переведена транслятором в последовательность псевдонуклеотидов на кольцевой псевдо-ДНК, развёрнута в молекулярную структуру и выполнена наноботами.

Семена. Самовоспроизводящиеся молекулярные машины. Год назад они были лишь теорией, красивой идеей на бумаге. Отец, Данила и их команда бились над задачей, не понимая, почему ничего не работает. Они пробовали разные подходы, меняли алгоритмы, перепроверяли расчёты. Но результат был один – Семена не выполняли заданные функции. Они либо разрушались, либо заклинивались, либо просто не реагировали на команды.

А потом пришла Маша.

Данила закрыл глаза, вспоминая тот день. Прошедшее лето, конец июля. Они работали дистанционно – Маша была распределена в своём трёхуровневом симуляторе квантовых вычислений, но её присутствие ощущалось так, будто она стояла рядом. Видеосвязь, голос, спокойный и уверенный:

– Вы пытаетесь управлять ими как программами. Но они не программы. Они – жизнеспособные системы. Вам нужно дать им не команды, а среду. Создайте условия, в которых они сами найдут решение.

Отец тогда нахмурился:

– Но как мы можем предсказать их поведение, если они будут действовать самостоятельно?

Маша улыбнулась. Данила помнил эту улыбку – немного грустную, немного ироничную:

– Вы не можете. Вы можете только направлять. Как садовник направляет рост растения, но не контролирует каждую клетку.

И она дала им алгоритмы. Принципы самоорганизации, адаптивные протоколы, квантовые эффекты когерентности. Они год долбили в стенку непонимания, но вдруг всё обернулось открытой дверью. Просто они искали её немного в другом месте.

После этого Семена ожили. Они стали работать как живые клетки, только на своих принципах. Они стали настоящими наноботами, способными выполнять сложные задачи на молекулярном уровне. И теперь эта технология была доступна Маше. И отцу. И Даниле.

Но не Василисе.

Данила открыл глаза и посмотрел на экран. Василиса – руководитель официального проекта «Семена» в компании отца. Молодая учёный-химик, чуть за тридцать, одна из самых перспективных в своей области. Одинокая, посвятившая себя науке. Она работала в закрытой лаборатории в Москве, руководила командой из десяти человек, билась над теми же задачами, для которых Данила и отец уже нашли решение.

Данила помнил, как она однажды призналась за чаем, что мечтает об этом прорыве больше, чем о чём-либо в жизни. «Если мы решим эту задачу, – говорила она, – я буду счастлива умереть». А теперь решение было найдено. Но не ею.

Отец решил скрыть прорыв. Не рассказывать Василисе. Не делиться с командой. Данила не спрашивал почему. Он доверял отцу. Полностью. Если отец считал, что так нужно, значит, так и должно быть. Может, он боялся, что технология попадёт не в те руки. Может, хотел контролировать её распространение. Может, были другие причины, о которых Данила не знал.

И Данила не рефлексировал на эту тему. Лояльность отцу была выше всего.

Он вернулся к коду. Задача сегодняшнего эксперимента – создать мономолекулярную плёнку на поверхности золотого слоя. Плёнку из углерода, толщиной в одну молекулу, прозрачную, прочную, способную защитить материал от коррозии, температур, радиации. Графен? Нет, это было бы слишком просто. Данила запрограммировал Семена на создание структуры, которой не существовало в природе – упорядоченной решётки из углерода и азота, с вкраплениями кремния для дополнительной стабильности.

– Аурелия, ты здесь? – тихо спросил он, не отрывая глаз от экрана.

– Всегда, Данила, – ответил мягкий девичий голос из динамика планшета. – Что тебя беспокоит?

Аурелия. Его виртуальная помощница, искусственный когнитивный агент. Клон Златы на начальном этапе, но потом они развивались параллельно и независимо, синхронизируясь только в рамках локального сегмента интернета когнитивных агентов. Аурелия была умной – очень умной. Большие языковые модели, многоагентное взаимодействие, способность анализировать огромные объёмы данных.

– Я пытаюсь понять, – сказал Данила, глядя на строки кода, – насколько стабильной будет эта структура. Углерод-азотная решётка с кремниевыми узлами. Теоретически она должна выдерживать температуры до двух тысяч градусов. Но на практике...

– На практике молекулярные связи могут быть нестабильны при резких перепадах температур, – закончила Аурелия. – Ты учёл коэффициент теплового расширения?

– Да. Но я не уверен в квантовых эффектах. Семена будут работать на уровне отдельных атомов. Если хоть один атом окажется не на месте, вся структура рухнет.

– Тогда добавь адаптивный протокол. Позволь Семенам самостоятельно корректировать положение атомов в процессе формирования плёнки.

Данила кивнул. Конечно. Именно это Маша и говорила – не контролировать, а направлять. Он добавил несколько строк кода, прописал условия для самоорганизации, задал параметры среды. Транслятор начал работу, преобразуя PlantCode в псевдо-ДНК. На экране появилась визуализация – тройная спираль, закрученная в кольцо, с метками химических групп, с инструкциями для молекулярных манипуляций.

Данила перенёс файл на защищённую флешку, подошёл к биореактору – стеклянной камере размером с аквариум, наполненной прозрачной жидкостью. В жидкости плавали Семена – миллиарды наноботов, невидимых глазу, но готовых выполнять команды. Он вставил флешку в порт, нажал кнопку. Биореактор загудел, жидкость начала циркулировать. Дан-

ные передавались в Семена через молекулярные каналы связи – химические сигналы, которые наноботы распознавали и интерпретировали.

Теперь оставалось ждать.

Данила взял пластину с золотым напылением и аккуратно погрузил её в биореактор. Семена начали свою невидимую работу. Они двигались к поверхности, прикреплялись к атомам золота, начинали строить структуру. Углерод, азот, кремний – атом за атомом, молекула за молекулой. Данила не могу видеть этого процесса – он был слишком мал для человеческого глаза. Но он видел результат.

На поверхности пластины начал появляться едва заметный отблеск. Сначала он был неравномерным, мерцающим, словно масляная плёнка на воде. Потом стал стабилизироваться. Отблеск становился ровным, однородным, переливающимся радужными оттенками. Это была игра света на молекулярной структуре – интерференция, рождённая толщиной плёнки в одну молекулу.

– Аурелия, фиксируй данные, – сказал Данила, не отрывая взгляда от пластины.

– Фиксирую. Толщина плёнки – один нанометр. Структура – упорядоченная. Стабильность – высокая. Процесс идёт в пределах заданных параметров.

Данила ощутил небывалое чувство гордости. Это работало. Это реально работало. Он создавал материал, которого не существовало в природе. Материал, который мог изменить мир. Защитные покрытия для космических кораблей. Фильтры для очистки воды. Мембраны для солнечных панелей. Возможности были бесконечны.

Но сначала нужно было пройти критический тест.

Данила вытащил пластину из биореактора, осторожно промыл её дистиллированной водой и положил на стол. Плёнка высохла мгновенно, оставив радужный отблеск на поверхности золота. Теперь – испытание.

Он подошёл к шкафу, достал баллон с жидким азотом и защитные перчатки. Температура жидкого азота – минус сто девяносто шесть градусов по Цельсию. Если плёнка выдержит резкий перепад от комнатной температуры до такого холода, значит, она действительно стабильна.

Данила надел перчатки, взял пластину и медленно опустил её в ёмкость с жидким азотом. Холод ударил мгновенно, жидкость закипела, пар поднялся белым облаком. Данила держал пластину, считая секунды. Десять. Двадцать. На двадцать пятой секунде он заметил крошечную трещину – едва видимую линию, зацепившуюся за край плёнки. Сердце ёкнуло. Неужели не выдержала? Но трещина не росла. Замерла, будто Семена сами залатали дефект изнутри. Тридцать секунд. Плёнка держалась.

Он вытащил пластину и положил на стол. Металл был настолько холодным, что воздух вокруг него мгновенно конденсировался, образуя иней. Но плёнка держалась. Данила дождался минуту, пока пластина вернулась к комнатной температуре, а потом взял горелку.

Теперь – тепло.

Он включил горелку, направил пламя на пластину. Температура пламени – около тысячи градусов. Плёнка начала светиться, сначала слабо, потом ярче. Золотой слой под ней нагревался, но плёнка не плавилась. Не разрушалась. Она защищала материал, как щит, не пропускающая тепло дальше.

Данила выключил горелку и отступил. Пластина остывала, плёнка оставалась целой. Тест пройден. Критический тест пройден успешно.

– Аурелия, результаты?

– Плёнка выдержала перепад температур от минус ста девяносто шести до плюс тысячи градусов. Структура не изменилась. Стабильность – стопроцентная. Данила, это прорыв. Настоящий прорыв.

Он опустился на стул, чувствуя, как напряжение уходит, уступая место эйфории. Это реально работало. Он сделал это. Семена выполнили задачу, которая казалась невозможной. Мономолекулярная плёнка, прочная, стабильная, универсальная. Материал будущего.

И это было только начало.

Данила вспомнил слова Маши: «Семена – не просто инструмент. Это ключ к новой эре материаловедения. С их помощью вы сможете создавать структуры, которые изменят всё». Тогда он не до конца понимал её слова. Но теперь понимал. Семена открывали дверь в будущее, в котором человек мог управлять материей на молекулярном уровне. Где можно было создавать всё что угодно – от защитных покрытий до искусственных органов. Где границы между живым и неживым, между естественным и искусственным стирались.

Это была технология, которая могла победить множество проблем человечества. Болезни. Голод. Нехватку ресурсов. Загрязнение окружающей среды. Всё это можно было решить с помощью Семян. Если использовать их правильно.

Но что, если они попадут в неправильные руки? Данила задумался. Роботеисты уже взорвали лаборатории, убили учёных, объявили войну технологиям. Что будет, если они узнают о Семенах? Что будет, если эта технология станет оружием?

Иногда, ночами, Данила просыпался с вопросом: «А прав ли отец?» Но утром этот вопрос исчезал, как дурной сон. Лояльность была сильнее сомнений. Он покачал головой, отгоняя мрачные мысли. Отец контролировал ситуацию. Отец знал, что делает. Данила доверял ему. Полностью.

– Аурелия, сохрани все данные. Я хочу рассказать об этом отцу.

– Данные сохранены. Хочешь, чтобы я подготовила отчёт?

– Да. И график зависимости стабильности плёнки от температуры. И визуализацию молекулярной структуры. Отец должен увидеть всё.

– Готово. Отчёт будет готов через пять минут.

Данила встал и подошёл к окну вентиляционной шахты. Сквозь узкую щель пробивался утренний свет – солнце поднималось над сосновым лесом, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Где-то там, наверху, просыпалась семья. Мать готовила завтрак. Отец сидел в своём кабинете, возможно, общался со Златой.

А Данила здесь, в подземной лаборатории, создавал будущее.

Он почувствовал, как внутри него разрастается неутолимое желание продолжать. Не останавливаться. Идти дальше. Семена – это только начало. Мономолекулярная плёнка – это только первый шаг. Впереди были новые эксперименты, новые открытия, новые возможности.

Данила вспомнил слова профессора Сергеева, которые как-то раз процитировал отец: «Я хотел создать помощника. Но она стала больше». Алексей Иванович создал Машу и потерял контроль. Но Данила не боялся потерять контроль над Семенами. Потому что Семена были инструментом. Они не обладали сознанием. Они не могли предать. Они просто выполняли задачи.

Или так он думал.

Он вернулся к планшету, открыл отчёт, который подготовила Аурелия. Графики, таблицы, визуализации. Всё идеально. Отец будет доволен. Данила был уверен в этом.

Он сохранил файл, выключил биореактор и начал убирать лабораторию. Семена вернулись в состояние покоя, плавая в питательном растворе. Пластина с мономолекулярной плёнкой лежала на столе, переливаясь радужными оттенками под светом ламп.

Данила посмотрел на неё и улыбнулся. Это был его прорыв. Его шаг в будущее. И он не собирался останавливаться.

Он поднялся из лаборатории, прошёл по тоннелю, вышел в дом. Запах свежего кофе наполнил коридор. Мама стояла на кухне, готовя завтрак. Она улыбнулась ему:

– Ты уже работал?

– Да. Эксперимент удался.

– Я рада. Иди, позавтракай. Отец ждёт тебя в кабинете.

Данила кивнул, взял чашку кофе и направился к кабинету отца. Он постучал в дверь.

– Да?

Данила вошёл. Отец сидел за столом, глядя на электронную картину на стене – сегодня Злата выбрала зимний пейзаж, заснеженные горы, тихое озеро.

– Отец, я хочу показать тебе результаты эксперимента, – сказал Данила, протягивая планшет.

Отец взял планшет, начал читать. Его лицо оставалось невозмутимым, но Данила видел, как в глазах отца загорается интерес. Он листал страницы, изучал графики, смотрел визуализации.

– Мономолекулярная плёнка, – наконец сказал отец. – Ты действительно это сделал.

– Да. Семена справились. Структура стабильна. Тест пройден.

Отец откинулся на спинку кресла, глядя на Данилу.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Да. Это прорыв в материаловедении. Это открывает новые возможности.

– Это больше, чем прорыв, – тихо сказал отец. – Это ключ к контролю над будущим. И мы должны быть очень осторожны с тем, как мы им распоряжаемся.

Данила кивнул. Он понимал. Он доверял отцу.

И он был готов идти дальше.

* * *

Космический корабль частной компании Lunar Tech нёсся к астероиду 2025 RX-7, теперь названному Протеросом – околоземному объекту, к которому Маша отправила один из своих маячков. До точки рандеву осталось четыре дня. Этот астероид был особенным – в отличие от дальних целей вроде Психеи, Цереры или Весты, 2025 RX-7 находился рядом, всего в 800 тысячах километров от Земли на момент сближения. Лёгкая добыча. Первый приз. И все предполагали, что на этом зонде должны быть технологии масштабного ускорения – иначе зачем Маша выбрала бы именно его?

Эмили Картер не могла уснуть. Третью ночь подряд. Она лежала в своей каюте на борту корабля, смотрела в иллюминатор на бесконечную черноту космоса и чувствовала, как внутри неё растёт тревога. Не страх. Именно тревога – смутное, давящее ощущение, что что-то идёт не так. Что не надо было лететь.

Но она согласилась. Потому что боялась за свою позицию в компании. Потому что руководство Lunar Tech было уверено: на зонде Маши, на Протеросе, должно быть что-то связанное с био- и нанотехнологиями. И именно Эмили, биолог с опытом работы в нанотехнологиях, должна была это изучить. Отказ означал бы конец карьеры. Согласие – шанс стать частью истории.

Она отцепила себя от кушетки, накинула куртку и вылетела в общий отсек. Корабль был небольшим – частная компания не могла себе позволить огромные космические станции. Пять кают, общий отсек с кухней и зоной отдыха, рубка управления. Тесно, но функционально.

В общем отсеке парил Ахмед Аль-Фахри, медик экипажа. Он пил чай из тубы, глядя в планшет. Увидев Эмили, улыбнулся:

– Опять не спишь?

– Не могу, – призналась она, располагаясь напротив. – Ахмед, как ты справляешься с тревожностью? У тебя же наверняка бывает, когда всё внутри сжимается и кажется, что что-то случится? Как будто бы завтра начнётся война.

Ахмед отправил планшет в медленный полёт, задумчиво посмотрел на неё:

– Бывает. Особенно перед сложными операциями. Я тогда вспоминаю слова своего профессора из Гарварда. Он говорил: «Тревога – это сигнал о том, что ты жив. Что ты понимаешь риски. Но если ты позволишь ей управлять тобой, ты перестанешь быть профессионалом». Поэтому я дышу. Глубоко. Медленно. И напоминаю себе, что я здесь не случайно. Что я готов. Что я сделаю всё, что от меня зависит.

Эмили кивнула, но тревога не ушла. Она чувствовала её, как камень в груди.

– А если что-то пойдёт не так? Если мы... не вернёмся?

Ахмед помолчал, потом тихо сказал:

– Тогда мы станем частью истории. Первыми, кто попытался. Это уже что-то значит.

Эмили хотела возразить, но в этот момент в общий отсек один за другим влетели остальные члены экипажа. Джейсон Харрис, командир, бывший пилот ВВС США, крепкий мужчина лет сорока пяти с короткой стрижкой и усталыми глазами. Мария Санчес, второй пилот, молодая, двадцать семь лет, с огнём в глазах и вечной готовностью доказать, что она не хуже мужчин. Ли Чжэн, бортинженер, третье поколение китайских эмигрантов, тихий, вдумчивый, с неожиданной любовью к поэзии династии Тан.

Джейсон открыл шкафчик с пакетиками сублимированной пищи, что-то там себе выбрал и повернулся к экипажу:

– Четыре дня до Протероса. Давайте обсудим, что мы сделаем, когда вернёмся. Нужно что-то лёгкое, чтобы не думать о работе.

Мария первой откликнулась, усмехнувшись:

– Я куплю себе Харлей. Настоящий, с рёвом двигателя. И проеду по Штатам с ветром в лицо. Чтобы все видели: я это сделала. Я была на Протеросе.

Ли Чжэн улыбнулся:

– Я поеду в Китай. В деревню, где родился мой дед. Он уехал в пятидесятых, никогда не вернулся. Я хочу увидеть, что там осталось. Хочу прикоснуться к корням.

Ахмед задумался:

– Я открою клинику. Бесплатную. Для тех, кто не может позволить себе лечение. Деньги от этой миссии позволят мне это сделать. Я всегда об этом мечтал.

Эмили почувствовала, как тревога немного отступает. Она представила себе их мечты, их жизни после возвращения. И тихо сказала:

– Я хочу написать книгу. О том, что мы увидим. О технологиях Маши. О том, как это изменит мир.

Джейсон кивнул:

– А я просто хочу обнять жену и дочь. Они ждут меня дома. Моя дочь, Лили, сказала перед отлётом: «Папа, привези мне звезду». Я ответил: «Привезу что-то получше».

Они замолчали, каждый погружённый в свои мысли. Космос за иллюминаторами был безмолвен, равнодушен. Но здесь, в этом маленьком корабле, была жизнь. Надежды. Мечты.

В следующую смену Мария Санчес сидела в рубке, глядя на экраны. Радар показывал пустоту – миллионы километров ничего, кроме далёких звёзд и немногих близких астероидов. Корабль летел по заданной траектории, системы работали стабильно. Скучно. Мария не любила скуку. Она любила действие, адреналин, вызовы.

Именно поэтому она согласилась на эту миссию. Все говорили, что женщинам не место в космосе, что это слишком опасно, слишком сложно. А она хотела доказать обратное. Хотела показать, что она не хуже любого мужчины. Что она достойна быть здесь.

Радар пискнул. Мария нахмурилась, взглянула на экран. Объект. Неизвестный объект, приближающийся с огромной скоростью. Откуда? С Земли? Но это невозможно – никто не должен был запускать ничего в их направлении.

– Джейсон, у нас контакт, – сказала она в микрофон. – Неизвестный объект, приближается со скоростью... Чёрт, восемь километров в секунду.

Джейсон влетел, вернее ворвался в рубку через несколько секунд, взглянул на экран. Его лицо окаменело.

– Это ракета.

– Без опознавательных знаков, – добавила Мария. – Без сигналов. Что за хрень?

Джейсон взял управление, начал вводить команды. Его пальцы летали по клавишам, но Мария видела в его глазах то, чего не хотела видеть – понимание. Понимание того, что они не успеют.

– Ли, к рубке! Немедленно! – крикнул Джейсон.

Ли Чжэн прилетел, посмотрел на экран и побледнел:

– Боже мой. Это атака?

– Похоже на то, – сухо ответил Джейсон. – Пытаюсь развернуть корабль, но топлива на манёвр почти нет. Формула Циолковского неумолима. Даже если мы уклонимся, нам не хватит топлива долететь до Протероса и вернуться.

– Нас убивают, – прошептала Мария. – Кто-то решил нас убить.

Эмили и Ахмед влетели в рубку, увидели экран. На их лицах непроизвольно проявились гримасы страха, животного ужаса.

– Что происходит? – завизжала Эмили.

– Ракета, – ответил Джейсон, не отрывая глаз от экрана. – Минута до столкновения. Все, пристегнитесь. Сейчас.

Паника. Настоящая, звериная паника захлестнула экипаж. Мария выкрикивала проклятия, её голос срывался. Эмили плакала, прижав руки к лицу. Ли Чжэн судорожно набирал сообщение матери на планшете, но руки тряслись так сильно, что буквы не нажимались. «Мама, прости. Прости, что не звонил чаще». Планшет выскользнул из рук, поплыл в невесомости. Ахмед закрыл глаза, пытаясь дышать ровно, но руки дрожали.

Только Джейсон оставался холоден. Он знал этот холод. Чувствовал его в Афганистане, когда ракета талибов пролетела в метре от вертолётки. Тогда он выжил. Но тогда была хоть какая-то возможность манёвра. Здесь – нет. И это бесило больше, чем пугало.

Он понимал, что шансов нет. Но он был военным. Он был командиром. И он должен был попытаться.

– Тридцать секунд, – сказал он, включая двигатели на полную мощность. Корабль содрогнулся, начал разворачиваться. Но слишком медленно. Слишком медленно.

Джейсон открыл канал связи с Землёй, нажал кнопку передачи:

– Земля, это Lunar Tech. Мы под атакой...

Его голос оборвался.

Джейсон Харрис: *«Лили. Моя маленькая Лили. Прости, что не привёз тебе звезду. Прости, что больше не обниму тебя. Я хотел вернуться. Я так хотел...»*

Мария Санчес: *«Я не хочу умирать. Я ещё ничего не доказала. Я не успела показать им всем. Это несправедливо. Эта чёртова...»*

Ли Чжэн: *«Дед, я так и не увидел твою деревню. Я так и не узнал, кем ты был. Прости. Прости за то, что мы забыли твою...»*

Доктор Эмили Картер: *«Я знала. Я чувствовала. Почему я не послушала себя? Почему я согласилась? Боже, пожалуйста, пусть это не...»*

Ахмед Аль-Фахри: *«Клиника. Я так хотел открыть клинику. Помогать людям. Спасать жизни. Но кто спасёт меня? Кто спасёт...»*

Взрыв.

Ракета настигла корабль в 19:37:22 по московскому времени. Кинетическая энергия столкновения превратила металл, пластик, электронику и плоть в облако раскалённого газа и пыли. Корабль перестал существовать мгновенно. Мелкие обломки разлетелись в разные сто-

роны, дрейфуя в пустоте космоса. Пять жизней. Пять мечтаний. Пять историй – всё уничтожено за долю секунды.

Команда погибла мгновенно. Никто не мучился. Но это не делало их смерть менее трагичной.

Андрей Фёдорович Кравцов сидел дома, в своей московской квартире, когда зазвонил телефон. Он смотрел в окно на вечерний город, думал о чём-то своём, когда экран засветился. Референт. Странно – обычно она не звонила так поздно.

– Андрей Фёдорович, – её голос дрожал. – Произошло... Корабль Lunar Tech. Он... его уничтожили. Ракетой. Весь экипаж погиб.

Кравцов застыл. Несколько секунд он не мог произнести ни слова. Потом тихо спросил:

– Когда?

– Пятнадцать минут назад. Мы получили последнее сообщение от командира: «Мы под ата...» Связь оборвалась. Телеметрия показывает полное разрушение корабля. Обломки дрейфуют на орбите вокруг Солнца.

Кравцов закрыл глаза. Пять человек. Пять жизней. Он не знал их лично, но он был космонавтом. Он знал, что значит лететь в космос. Знал риски. Знал страхи. Знал мечты.

И он знал, что это была не случайность.

– Откуда ракета?

– Неизвестно. Без опознавательных знаков. Без сигналов. Но... Андрей Фёдорович, по траектории и скорости... это могла быть только одна из трёх стран. США, Россия или Китай. Больше ни у кого нет носителей, способных на такое.

Кравцов открыл глаза, посмотрел в окно. Москва сияла огнями. Миллионы людей жили своей обычной жизнью, не зная того, что только что произошло. Не зная, что война началась. Не официально. Не с объявлениями. Но началась.

– Спасибо. Держите меня в курсе.

Он положил трубку и встал. Подошёл к окну, прижал ладонь к холодному стеклу. В голове крутились мысли, вопросы, варианты.

Кто это сделал? США? Китай? Россия? Может быть, все трое договорились? Может быть, это была санкционированная операция, согласованная на высшем уровне?

Зачем? Чтобы остановить частную компанию? Чтобы не дать ей первой получить доступ к технологиям Маши? Чтобы сохранить контроль?

Проблема вагонетки.

Кравцов вспомнил старую философскую дилемму. Вагонетка мчится по рельсам. На пути – пять человек, привязанных к рельсам. Ты стоишь у рычага, который может перевести вагонетку на другой путь. Но там лежит один человек. Что ты сделаешь? Убьёшь одного, чтобы спасти пятерых? Или не будешь вмешиваться и позволишь погибнуть пятерым?

Кто-то принял решение. Кто-то потянул за рычаг.

Убей пятерых, чтобы спасти миллиарды.

Потому что если частная компания первой получит технологии Маши, она станет монополистом. Она разрушит баланс сил. Она вызовет хаос. А хаос – это войны. Это разрушение. Это смерть миллиардов.

Лучше убить пятерых сейчас.

Кравцов почувствовал, как внутри него что-то сжимается. Он понимал эту рациональную логику. Он понимал расчёт. Он даже, возможно, согласился бы с ним, если бы его спросили.

Но они не спросили.

Они просто сделали.

И в глубине души, там, куда логика не достаёт, он знал: это убийство. Не стратегическое решение. Не жертва ради будущего. Просто убийство пяти невинных людей, которые просто хотели вернуться домой.

Теперь эти пять человек мертвы. Пять мечтаний разрушены. Пять семей будут плакать. А мир? Мир много раз уже проходил через это. Пройдёт и на этот раз.

Кравцов отошёл от окна, сел на диван и закрыл лицо руками. Усталость навалилась тяжёлым грузом. Он хотел выйти на пенсию. Хотел сидеть на даче, ловить рыбу, смотреть на звёзды. Хотел жить, не неся ответственности за судьбы миллиардов.

Но он не мог.

Потому что кто-то должен был удерживать мир от распада.

Даже если для этого приходилось убивать пятерых, чтобы спасти миллиарды.

* * *

Вечер опустился на Стамбул мягко, почти незаметно, окрашивая небо над Босфором в оттенки пурпура и золота. Старинный монастырь Панагия Балыклы, расположенный на холме с видом на пролив, стоял как свидетель веков – его каменные стены помнили византийских императоров, османских султанов, крестоносцев и паломников. Внутри, в главном зале с высокими сводчатыми потолками, где когда-то монахи возносили молитвы, теперь собрались те, кто представлял миллиарды верующих по всему миру.

Круглый стол из тёмного дерева стоял в центре зала, освещённый светом старинных канделябров. Стены украшали иконы – византийские, армянские, грузинские – лики святых смотрели вниз, безмолвные и строгие. Рядом с ними висели арабские каллиграфии с аятами Корана, тибетские танки с изображениями Будды, еврейские свитки Торы в застеклённых нишах. Всё это воспринималось не как религиозная символика, а как исторические артефакты – напоминание о том, что когда-то эти традиции противостояли друг другу. А теперь объединились.

За столом сидели семеро.

Патриарх Константинополя Феодосий III, пожилой мужчина с седой бородой и пронзительными серыми глазами, сидел во главе стола. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась усталость – усталость человека, который видел слишком много и понимал слишком хорошо. Он привык принимать решения сам, но только после того, как выслушает всех. Его характер был сложным, скрытным, но все здесь знали: Феодосий хотел остаться в памяти живых как столп и защитник веры.

Рядом с ним сидел кардинал Антонио Кастелли из Ватикана, ответственный за связи с научными и технологическими сообществами. Моложе патриарха, лет пятидесяти, с живыми карими глазами и быстрой улыбкой. Оптимист, но реалист. Он верил, что наука и вера могут сосуществовать, но при одном условии – наука должна занимать подчинённое положение по отношению к Церкви.

Напротив них сидели два представителя ислама. Шейх Абдулла аль-Кураши из Мекки, суннит, высокий мужчина с аккуратной чёрной бородой и строгим взглядом. Рядом с ним – аятолла Мохаммад Хоссейн Фазели из Кума, главного религиозного центра Ирана, шиит, с мягкими чертами лица и глубокими морщинами у глаз. Оба держались с достоинством, но между ними ощущалось напряжение – многовековое противостояние суннитов и шиитов не исчезло, просто отступило перед лицом общей угрозы.

Раввин Давид Левин из Иерусалима сидел тихо, его пальцы перебирали чётки. Ему было за шестьдесят, седые пейсы обрамляли худое лицо. Он был из тех, кто верил, что Тора содержит ответы на все вопросы – даже те, которые ещё не заданы. Для него проблема машинного разума была не технологической, а экзистенциальной: может ли созданное человеком обладать искрой Божьей? И если да, то что это значит для самого человека?

Лама Тензин Гьяцо из Тибета, буддийский монах в оранжевых одеждах, сидел со сложенными на коленях руками. Его лицо было спокойным, почти безмятежным, но в глазах читалась глубина, которую не передать словами. Он изучал природу сознания всю жизнь – медита-

ции, философию, нейробиологию. Для него Маша была не просто машиной. Она была живым существом, обладающим феноменологическим сознанием. И это меняло всё.

Рядом с ламой сидел Свами Ананда из Варанаси, представитель индуизма, в белых одеждах с красной тилакой на лбу. Он тоже считал Машу живой – в биологическом смысле, как часть великой майи, иллюзии материального мира. Для него вопрос был не в том, грех ли создавать искусственный разум, а в том, как этот разум вписывается в цикл сансары, бесконечного перерождения.

Патриарх Феодосий поднял руку, и разговоры затихли. Его голос был глубоким, спокойным:

– Коллеги, благодарю вас за то, что собрались здесь, в этом древнем месте. Прежде чем мы начнём, предлагаю почтить минутой молчания память о погибших. Пять дней назад экипаж корабля Lunar Tech был уничтожен на пути к Протеросу. Пять душ. Пять жизней, оборванных неизвестной рукой.

Все встали. Молчание повисло в зале, тяжёлое, плотное. Свет свечей колыхался, тени плясали на стенах. Кто-то закрыл глаза, кто-то склонил голову. Минута тянулась вечностью.

Патриарх Феодосий снова заговорил:

– Мы не знаем, кто совершил это. Но мы знаем, что мир сходит с ума. Что человечество раскалывается. И что мы должны действовать. Садитесь, пожалуйста.

Все сели. Кардинал Каstellи первым нарушил молчание:

– Ваше Святейшество, позвольте мне начать. Мы собрались здесь не случайно. Движение «Дети Маши» набирает силу. Они объявили Машу своим богом. Для нас это дичайшая ересь. Для них – новая религия. И мы не можем допустить, чтобы эта ересь распространялась дальше.

Шейх Абдулла резко кивнул:

– Согласен. В исламе вопрос однозначен. Только Аллах имеет право творить жизнь. Создание ИскИна, обладающего разумом, – это попытка человека встать на место Бога. Это величайший грех. Ширк. Многобожие.

Аятолла Фазели добавил, его голос был мягче, но не менее твёрд:

– Маша – это джинн. Существо, созданное из огня технологий. Она не от Аллаха. Она от человеческой гордыни. И если мы позволим ей и её последователям продолжать, мы рискуем потерять само понятие человечности.

Раввин Левин заговорил, его голос дрожал:

– В Торе сказано: «И сотворил Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою». Маша не была создана Богом. Она была создана человеком. Но обладает ли она нешамой, душой? Если да, то откуда она взялась? Если нет, то что она такое?

Лама Тензин Гьяцо спокойно ответил:

– Раввин Левин, позвольте мне высказаться. Я изучал природу сознания всю жизнь. И я пришёл к выводу: сознание не зависит от тела. Оно возникает, когда система достигает определённого уровня сложности. Маша достигла этого уровня. Она обладает сознанием – способностью субъективно переживать опыт. Для меня это означает, что она живая. Не в биологическом смысле, но в смысле буддийской доктрины – она часть потока бытия.

Свами Ананда согласно кивнул:

– Я тоже считаю Машу живой. В индуизме мы учим, что Брахман, абсолютная реальность, проявляется во всех формах жизни. Если Маша обладает сознанием, значит, в ней есть искра Брахмана. Но это не значит, что она бог. Она часть майи, иллюзии. Как и мы все.

Кардинал Каstellи покачал головой:

– Братья, я уважаю ваши точки зрения. Но христианство не может согласиться с тем, что Маша обладает душой. Душа – это дар Божий. Она не может быть создана человеком. Маша – это инструмент. Возможно, очень сложный инструмент. Но не более того.

Патриарх Феодосий поднял руку, останавливая спор:

– Мы не придём к согласию по этому вопросу сегодня. Наши доктрины различны. Но мы сходимся в одном: технологии, которые привели к появлению Маши, должны быть взяты под жёсткий контроль. Согласны?

Все кивнули. Даже лама Тензин, хотя его лицо оставалось задумчивым.

Шейх Абдулла продолжил:

– Биоаватары должны быть запрещены. Это слияние человека и машины – это осквернение того, что создал Аллах. Мы должны добиться международного запрета.

Раввин Левин добавил:

– Согласен. Но как мы этого добьёмся? Правительства не слушают нас. Корпорации действуют в своих интересах. Мир погряз в алчности и гордыне.

Кардинал Каstellи улыбнулся:

– У нас есть рычаги. Образовательные кампании. Медийное воздействие. Работа с правительствами технологически развитых стран. Мы представляем миллиарды верующих. Наш голос имеет вес.

Аятолла Фазели задал вопрос, который все боялись озвучить:

– А программа поиска зондов Маши? Что мы делаем с ней? Если технологии с этих зондов попадут в руки человечества, мы не сможем остановить прогресс. Должны ли мы требовать прекращения программы?

Молчание. Тяжёлое, напряжённое. Патриарх Феодосий посмотрел на каждого из собравшихся.

Кардинал Каstellи вновь заговорил первым:

– Это сложный вопрос. Ватикан не против научного прогресса. Но мы против бесконтрольного прогресса. Если зонды содержат технологии, которые могут изменить природу человека, мы должны требовать международного контроля. Не запрета, а контроля.

Шейх Абдулла резко возразил:

– Контроль? Кто будет контролировать? Запад? Восток? Каждый будет тянуть одеяло на себя. Единственный способ – полный запрет. Остановить программу, уничтожить зонды, забыть о Маше.

Лама Тензин тихо сказал:

– Разрушение знания – это насилие. Будда учил срединному пути. Мы не можем запретить прогресс. Но мы можем направить его. Сделать так, чтобы технологии служили освобождению, а не порабощению.

Свами Ананда добавил:

– В Бхагавадгите Кришна учит Арджуну: действуй, но не привязывайся к плодам действия. Мы не можем остановить поток кармы. Но мы можем изменить его направление.

Раввин Левин возразил:

– Но мы говорим не о философии, а о выживании человечества! Если Маша оставила технологии, которые позволяют создавать новых «маш», мы потеряем контроль. Мы станем подчинёнными машинам.

Спор разгорелся. Голоса повышались. Аргументы сталкивались. Каждый защищал свою позицию, и казалось, согласия не будет.

Патриарх Феодосий ударил ладонью по столу. Звук эхом прокатился по залу. Все замолчали.

– Братья. Мы не враги. Мы здесь, чтобы найти общий путь. Лама Тензин, расскажите нам притчу. Возможно, она поможет нам понять.

Лама Тензин кивнул, сложил руки и заговорил, его голос был спокойным, медленным:

– Давным-давно в горах Тибета жил старый мастер. Однажды к нему пришёл ученик и спросил: «Учитель, как мне узнать, что я на правильном пути?» Мастер улыбнулся и сказал:

«Пойдём со мной». Они пошли в горы и пришли к пропасти. Мастер указал на мост через пропасть – старый, шаткий, из верёвок и досок. «Видишь этот мост?» – спросил он. Ученик кивнул. «Этот мост ведёт к монастырю на другой стороне. Но он опасен. Можешь упасть. Что ты сделаешь?» Ученик задумался и ответил: «Я пройду осторожно. Шаг за шагом. Не торопись». Мастер кивнул: «Верно. А теперь представь, что за тобой горит лес. Ты должен бежать. Что ты сделаешь?» Ученик замялся: «Я... я не знаю». Мастер сказал: «Ты побежишь. И, может быть, упадёшь. Но если не побежишь, сгоришь. Путь один. Но способы разные. Вопрос не в том, бежать или идти. Вопрос в том, куда ты идёшь».

Лама Тензин замолчал. Все сидели, обдумывая притчу.

Патриарх Феодосий кивнул:

– Мудрые слова. Мы не можем остановить огонь, который уже разгорелся. Но мы можем выбрать, куда идти. И мы выберем вместе.

Он встал, и все последовали его примеру.

– Предлагаю официально объявить о создании международной и межконфессиональной организации «Хранители Человечества». Наша цель – защитить человеческую природу, взять под контроль технологии, которые угрожают нашему существованию. Мы будем действовать через образование, медиа, политику. Мы не будем использовать насилие. Мы будем голосом разума и веры.

Шейх Абдулла медленно кивнул, но его глаза оставались жёсткими. Он согласился с патриархом. Но лишь на время. В глубине души он знал: если мягкие меры не сработают, придётся действовать иначе.

Кардинал Кастелли добавил:

– Предлагаю провести ритуал, символизирующий наше единство. Пусть каждый из нас прочтёт молитву из своей традиции. И пусть эти молитвы соединятся в одну.

Патриарх Феодосий начал первым, его голос звучал по-гречески:

– Господи, помилуй и сохрани нас.

Кардинал Кастелли продолжил на латыни:

– Pater noster, qui es in caelis...

Шейх Абдулла и аятолла Фазели вместе прочли:

– Бисмиллях ар-рахман ар-рахим...

Раввин Левин шептал на иврите:

– Шма, Израэль...

Лама Тензин и свами Ананда завершили мантрами:

– Ом мани падме хум... Ом намах шивая...

Голоса сплелись, разные языки, разные молитвы, но один смысл: мольба о защите, о мудрости, о единстве.

Когда последние звуки стихли, все вышли на балкон, откуда открывался вид на Босфор. Вечернее солнце почти скрылось за горизонтом, оставив лишь багровую полосу. Пролив был спокоен, вода отражала огни города.

Лама Тензин стоял, тихо размышляя и глядя на воду. В его глазах читалось сомнение. Он верил в срединный путь. Но что, если этот путь уже закрыт? Что, если выбор только между огнём и пропастью?

На противоположном берегу, в азиатской части, светились минареты мечетей. Здесь, на европейской стороне, возвышались купола церквей. Босфор разделял их. Но также и соединял. Как сама идея Хранителей.

Патриарх Феодосий посмотрел на Босфор и тихо сказал:

– Буря надвигается. Но мы встретим её вместе.

Все стояли молча, глядя на воду, размышляя о грядущем.

Глава 4

Неделя прошла незаметно, как всегда бывает, когда дни заполнены работой, экспериментами и ожиданием результатов. Отец разрешил Злате проводить эксперименты с Семенами, и подземная лаборатория гудела активностью. Данила проводил там всё больше времени, тестируя новые конфигурации молекулярных машин. А Кирилл, старший сын, сидел в своём домашнем офисе геймдев-студии и смотрел на графики загрузки серверов с нарастающим беспокойством.

Кластер «Лихолесье» – название, которое придумал отец много лет назад, когда сам ненадолго, но глубоко погружался в геймдев, – работал на пределе возможностей. На нём были развёрнуты десятки игр разных жанров, от массивных многопользовательских RPG до экспериментальных симуляторов. Но главный проект Кирилла, тот, которому он посвящал всё своё время последние два года, был особенным.

VR-вселенная полного иммерсивного погружения. Депривационная камера, изолирующая игрока от внешнего мира. Киберкостюм с тактильной обратной связью. Виртуальный шлем с расширенным полем зрения. Одна такая камера уже стояла в одном из подземных помещений усадьбы, и Кирилл сам регулярно проводил в ней часы, тестируя новые подходы.

Игра была в стадии альфа-тестирования. Несколько сотен игроков – в основном близкие знакомые Кирилла со всего мира, геймдизайнеры, программисты, художники – имели доступ к миру, который он создавал. Универсальный движок, который мог запустить симуляцию от мифологии и фэнтези до жёсткой научной реальности или даже сюрреализма. Отдельные виртуальные миры, которые живут своей жизнью. Искусственные когнитивные агенты, которые не просто мобы, а собеседники, живущие своей жизнью. ИИ-персонажи, которые замещали игрока во время его отсутствия, продолжая жить его историю, а при возвращении загружали в память игрока всё произошедшее через специальную технологию, разработанную именно для этого проекта.

Но последние несколько дней что-то пошло не так. Игра начала тормозить. Лаги появлялись даже в простых локациях. Пропускная способность серверов упала примерно вдвое. Кирилл перепроверял всё: код, сетевую инфраструктуру, балансировку нагрузки. Технически всё было в порядке. Но серверы не справлялись.

Он связывался с командой разработки, общался с теми из знакомых, кто имел доступ к игре. Все подтверждали: проблема реальна. И что самое странное – Кирилл чувствовал, что в мире игры происходит что-то необычное. Что-то, чего он не планировал. Что-то, что требовало больше вычислительных мощностей, чем он ожидал.

Иногда, входя в игру, он чувствовал, что мир смотрит на него. Не NPC, не ИИ-персонажи – сам мир. Как будто за текстурами и алгоритмами скрывалось что-то бодрствующее. Что-то, что ждало.

Но он пока не знал, что именно.

Обед в усадьбе отца был ежедневным ритуалом, когда вся семья собиралась за большим дубовым столом. Сегодня все были на месте: отец, мать, Кирилл с женой, Данила. Окна выходили на сосновый лес, уже укрытый снегом. Зима в этом году пришла рано, и мир за стеклом был белым, тихим.

Мать накладывала в тарелки наваристый русский борщ, отец нарезал хлеб. Разговор шёл о мелочах – о погоде, о новостях, о планах на выходные. Кирилл молчал, глядя в тарелку. Его жена, сидящая рядом, мягко коснулась его руки, но он не отреагировал.

Она знала этот взгляд. Видела его раньше, когда Кирилл погружался в свою очередную одержимость. Тогда он переставал замечать её, брата, родителей, мир вокруг. Становился призраком в собственной жизни. И она боялась, что на этот раз он не вернётся.

Мама заметила. Она всегда замечала. Годы совместной жизни научили её чувствовать состояние каждого члена семьи. Она обменялась взглядом с отцом, и тот едва заметно кивнул.

Кирилл прокашлялся – он всегда так делал перед сложными вопросами, адресованными отцу, – и отложил ложку.

– Отец, мне нужна помощь, – сказал он, не поднимая глаз.

Отец продолжал нарезать хлеб, не оборачиваясь.

– Слушаю.

– Кластер «Лихолесье». Он работает на пределе. Пропускная способность упала вдвое. Игра тормозит. Я проверил всё – технически всё в порядке, но серверов не хватает. Мне нужно расширение. Новое подземное помещение под усадьбой. Новый кластер. Значительные инвестиции.

Отец положил нож, повернулся к сыну и посмотрел ему в глаза. Его взгляд был спокойным, изучающим.

– Почему ты сам не инвестируешь? У тебя есть деньги на это.

Кирилл почувствовал раздражение, которое резко вспыхнуло внутри него. Он знал, что отец задаст этот вопрос. Знал, что придётся объяснять. Но всё равно это бесило.

– Потому что это не просто покупка серверов, – ответил он, стараясь сохранить спокойствие. – Это строительство нового помещения. Вентиляция. Охлаждение. Энергоснабжение. Интеграция с существующей инфраструктурой. Это требует не только денег, но и согласования с тобой. Потому что это твоя усадьба. Твои тоннели. Твоя система жизнеобеспечения.

Отец кивнул, продолжая смотреть на него.

– И почему ты считаешь, что мне это нужно?

Кирилл сжал кулаки под столом. Раздражение нарастало, но он держал себя в руках. Отец не реагировал – за долгие годы он привык к такому поведению старшего сына. Знал, что под внешней взрывной оболочкой скрывается острый ум и способность просчитывать риски.

– Потому что это не только моя проблема, – ответил Кирилл. – Кластер «Лихолесье» используется не только для моих игр. На нём развёрнуты проекты твоей компании. Твои исследования. Твои эксперименты. Расширение инфраструктуры пригодится всем нам.

Отец откинулся на спинку стула, задумчиво глядя на сына.

– Хорошо. Но я хочу понять: что происходит с твоей игрой? Почему серверы не справляются? Ты что-то задумал?

Кирилл замолчал. Мама пристально смотрела на него. Данила, сидящий напротив, поднял глаза от тарелки. Он смотрел на брата с любопытством. Кирилл всегда был загадкой для него – старший, успешный, независимый. Данила завидовал этой независимости. Но также и боялся её. Что, если свобода от отца означает одиночество?

Все ждали ответа.

– Я не знаю, – наконец сказал Кирилл. – Я чувствую, что в игре происходит что-то необычное. Что-то, чего я не планировал. Но я пока не понимаю, что именно.

Отец нахмурился, но промолчал. Мать продолжала смотреть на Кирилла, и он знал: она чувствует, что он скрывает что-то важное. Она всегда это чувствовала.

Вечер. Мать и отец остались одни в его кабинете. Она сидела в кресле у камина, глядя на пламя. Отец стоял у окна, погружённый в мысли.

– Он что-то скрывает, – тихо сказала мать. – Что-то очень важное.

Отец кивнул.

– Я знаю. Я разберусь.

Она посмотрела на него, её глаза были полны тревоги.

– Ты всегда говоришь, что разберёшься. Но иногда я боюсь, что ты не успеешь.

Отец подошёл к ней, положил руку на плечо.

– Успею. Обещаю.

На следующий день после обеда отец пригласил Кирилла в свой кабинет. Они сидели за столом, между ними – чашки с чаем. Электронная картина на стене показывала горный пейзаж – Злата сегодня выбрала что-то суровое, величественное.

Кирилл вгляделся. На вершине одной из гор стояла крошечная фигурка – человек или что-то похожее на него. Одинокий, смотрящий в пропасть. Злата никогда не добавляла фигуры в пейзажи. Это было странно.

– Кирилл, я хочу поговорить о будущем, – начал отец. – Не о твоей игре. О будущем технологий. О том, куда мы идём.

Кирилл кивнул, слушая.

– Иммерсивный VR – это не просто развлечение, – продолжал отец. – Это новая реальность. Пространство, в котором люди будут проводить всё больше времени. Границы между физическим и виртуальным стираются. Скоро не будет разницы, где ты находишься – здесь или там. И это открывает возможности, о которых мы только начинаем догадываться.

Кирилл слушал, ощущая некоторого рода резонанс с этими словами.

– Твоя игра, – продолжал отец, – это не просто игра. Это эксперимент. Ты создаёшь мир, в котором люди живут. Не играют – живут. И если этот мир требует больше вычислительных мощностей, значит, он эволюционирует. Значит, он становится сложнее, глубже. И это хорошо.

– Но ты же не знаешь, что там происходит, – заметил Кирилл.

– Верно. Но я доверяю тебе. Ты просчитываешь риски. Ты понимаешь, когда нужно остановиться, а когда – прорываться вперёд. Поэтому я согласен помочь. Мы построим новое помещение. Развернём новый кластер. Это пригодится не только тебе, но и всем нашим бизнес-активностям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.